

Мирэль ШАГИНЯН.
(См. 6—7-ю стр. цв. вкладки.)

Воспоминания об Африке написаны мною давно. Все поездки невозможно вместить в эту рукопись. Я была в Африке 16 раз. Видела Кению и Уганду, Замбию, Малави, Чад, Центрально-Африканскую республику (ЦАР), Конго, Мали, Мадагаскар — всего не перечислить. Сегодня, оглядываясь назад, с грустью думаю, что в этих странах многое изменилось и, увы, далеко не в лучшую сторону: то здесь, то там вспыхивают войны, льется кровь... Я была уверена, что больше в Африку не поеду, но вдруг в октябре прошлого, 1997, года лечу с сыном, художником Сергеем Цигалем, в Марокко, в его самый красивый город Марракеш. Туда нас пригласили удивительные люди — Валери и Серж Барковские. Валери — бельгийка, Серж — русский. Они часто приезжали в Москву, посещали мастерские художников, оказались и в нашей, а увидев мои африканские работы, решили, что мне надо обязательно побывать в Марракеше, куда сами приехали из Парижа; они создали в этом городе фонд для художников, где можно бесплатно жить и работать по два-три месяца. Располагается фонд в доме XVI века в арабском квартале Мидина, там есть не только все современные удобства, но, что главное, — мастерские для живописи и скульптуры, удобные комнаты с маленькой кухней, в которой арабка Патиха готовит невероятно вкусные национальные кушанья, ну просто райская жизнь. В этом доме мы провели полтора месяца. Рисовали на улицах, площадях, базарах, работали и в мастерской фонда. Дважды выезжали из Марракеша в Атласские горы, где три дня провели у берберов в деревне. Нам повезло: поблизости состоялся «праздник невест». Ослепительное солнце, яркая многолюдная толпа, верблюды, кони, ослы. Это красочное зрелище не рассчитано на туристов, да туристы туда и не добираются. Несколько дней провели у океана в городе Эс-Сувейра. Белый город, крепость на берегу, рыбацкие шхуны, рыбаки с корзинами, полными рыбой, серебряный океан, а по его кромке силуэты верблюдов.

Думается, это моя последняя поездка в Африку. Но все-таки, а вдруг?..

● ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Африка давно уже не чудо из сказок, об Африке у нас издано много книг, сняты фильмы. И все же я попробую добавить к сказанному свои впечатления об этой неповторимой стране.

На аэродроме понимаешь, что ты в Африке, даже закрыв глаза, по запаху. Африка пахнет особенно:пряно, терпко, иногда очень резко, иногда легко! Пахнут цветы, пальмы, фрукты, земля. Потом от этого запаха долго нельзя отделаться, иногда он снится. Когда очень соскучусь по Африке, нюхаю мыло «пальм-олиф», оно чуть-чуть напоминает те дивные запахи.

Влажная жара, которой так боятся европейцы, первые дни действительно трудно переносится, и чувствуешь себя как в парилке, но потом, привыкнув, как-то приспособливаешься, окунаешься в нее и даже не веришь, что можно жить в другом климате.

Первая африканская страна, которую я увидела, — Эфиопия (от греческого слова «айтьопия» — «обжигать лицо») — страна, где живут люди, обожженные солнцем. Летела я через Каир, который за один день ослепил меня пестротой, оглушил шумом и суетой. И вдруг — Асмара — столица древней Эритреи. Сразу покой, тишина, никакой яркости.

Для справки скажу, что на территории Эритреи, когда в Европе еще был первобытно-общинный строй, уже существовало рабовладельческое государство Аксум. Город основан в середине I тысячелетия до нашей эры. Легенда, что Аксум основан Менеликом — сыном царицы Савской и царя Соломона — до сих пор бытует в Эфиопии.

Асмара — розовый город: розовые сумерки, статные грациозные люди в розовых одеждах и изумрудно-зеленая зелень. Дома лепятся один над другим. Розовый город окружен горами, они в голубой дымке уходят за горизонт. По колориту похоже на Боннара. Глазам своим не верю, что это — Африка. Был декабрь месяц, так что жары мы не чувствовали. Даже разочаровались: где же тропики, где зной, где та экзотика, о которой я столько слышала? Но за три дня, проведенных в Асмаре, я все больше и больше ею пленялась. Базарная площадь со строгим делением на фруктовые ряды, ряды птички, ряды; где продаются козы и рогатый скот. Лиловые сумерки со столбиками дыма — очаги вынесены на улицы. Вежливые, всегда улы-

Мирэль Шагинян (слева) — автор этих заметок — со своей мамой, писательницей Мариэттой Шагинян (1888—1982). Фото 1975 г.

бающиеся дети, они стайками провожали меня на этюды, несли этюдник. Стройные, удивительно красивые длинношеие женщины в розовых хитонах, из складок ткани выглядывают головки детей, привязанных к спине. Старики с седыми бородами сидят у хижин, всегда с большими черными зонтами. Пастухи, гонящие свои стада с гор, как на библейских картинах. И тонкий терпкий аромат цветов, каких — не знаю, так как цветет все всеми цветами радуги. Никто не кричит, не жестикулирует, не слышно детского плача, брани. Все непохоже на то, что я себе придумала.

И после этого — Масуа — порт на Красном море, жара до сорока градусов, все выжжено, все бело от соли, все сверкает, искрится. И хотя в дневные часы город мертв — сиеста, все спят, жара сваливает с ног, спят на улицах, в скверах, на берегу, спят, завернувшись в циновки, закрывшись черными зонтиками, — покоя и тишины, как в Асмаре, нет: шумит море, шумят деревья, шумит город. Шумят комары и мухи, наконец, шумит порт, где даже в такую жару разгружают и загружают пароходы, подвозят и увозят соль. Радиофицированные мечети на весь город транслируют муэдзинов, призывающих верующих на молитву. Это другая Африка, опять непохожая на мои шпаргалки, надерганные из всевозможных справочников и энциклопедий.

Какая же она — настоящая Африка? Это все самые-самые первые впечатления первой моей поездки, а так как поездок потом было много, то удивляла меня Африка бесчисленное количество раз. И никогда не разочаровывала.

Еще один город — Гондар, бывшая столица Эфиопии, с интересной архитектурой, старыми дворцами. Весь в тени, в зелени, где хижина, крытая пальмовыми листьями, хорошо сочетается с современным отелем, но стоит чуть отъехать от города — на плантациях совершенно обнаженные люди самым древним способом обрабатывают землю, а еще в нескольких километрах — аэродром, просто поле, окруженное горами, где приземляются большие современные самолеты. И крестьяне, окончив работу на полях, накинув на себя кусок ткани или шкуру, с курами и козами в руках, садятся в самолеты, как в обычный автобус или даже в телегу.

Рядом — озеро Тан, знаменитое озеро, из которого берет начало Голубой Нил. Потом в Судане, в центре города Хартума, он соединится с Белым Нилом и потечет дальше уже большим Нилом в Египет. В озере Тан вода холодная и очень прозрачная; пароходик, вернее, прогулочный катерок качает — Тан волнуется. Маленькие зеленые островки, где живут слепые монахи, прокажен-

ные. К сожалению, женщинам островки посещать не разрешают, и я с завистью смотрю на лодочку, которая отплывает от нашего парохода и плывет к одному из этих островков. Мне потом рассказывали, что монахи ходят обнаженными, среди них нет ни одного зрячего. Но тем не менее землю свою монахи обрабатывают сами и сами себя обслуживают, только изредка к ним подвозят на лодках необходимые продукты, которые они вырастить у себя не могут.

Сию на палубе и пишу этюд озера и островов, солнца я не боюсь, поскольку сама южанка, и, если бы мне сказали, что могу обгореть, я бы посмеялась, но, увы, озеро Тан, вернее, солнце над ним очень коварно. И хотя небо над мной было серенькое и солнце в какой-то мгле, я дорого поплатилась за свое легкомыслие. Я не обгорела, а сгорела; вечером в городе не могла показаться на люди, была вся в волдырях ярко-красного цвета, кожа на лице лопалась и слезала лохмотьями.

Еще один маленький городок Эфиопии — Хорар. Узкие улочки, черепицей крытые белые домики, в центре города — базар, но уже настоящий африканский базар, похожий на базары Западной Африки. Яркий, пестрый, шумный, очень многолюдный, на нем продается все — мне кажется, что нет вещи, которую нельзя было бы купить на этом базаре, будь это фрукты, овощи или предметы быта, лекарства или детали для машин. Причем любых машин, начиная от швейных. Вероятно, и для самолета там нашлось бы что-нибудь. А уж украшения: бусы, серебряные браслеты, серьги, кресты, иконы, пояса — чего-чего там только нет.

Покупка — сложный ритуал. Нужно долго торговаться, иначе тебя не будут уважать. Нужно прицениться, потом отойти, тебя вернут, ты даешь свою цену, с тобой не согласны, ты опять уходишь, потом опять возвращаешься и так до бесконечности. Игра, которая нужна и тому, кто покупает, и тому, кто продает. В эту игру играют все, не только туристы. В то время, что я находилась в Хораре, туристов еще не было, не сезон, что ли. Но торговлей я увлеклась, сначала наблюдала, потом сама вошла в азарт, и в результате у меня на шее висит эфиопский

Как бы много не было работы по организации очередной выставки, Мирэль Шагинян все равно находила время, чтобы сделать этюд. И всякий раз рядом собиралась толпа доброжелательных наблюдателей. Фото 1968 г.

серебряный крестик, очень похожий на армянский, так как наши религии схожи.

Я стала своим человеком на базаре и без знания языка. Меня все понимали, и я понимала. На второй день решила написать это сверкающее чудо. Мне охотно позировали полуобнаженные девушки, продавщицы вязанок хвороста, совсем молоденькие, стройненькие и очень хорошенькие. Женщины постарше окружили меня плотным кольцом, выражая одобрение или порицание. Иногда они угощали меня фруктами и арахисом. Мухи жужжали, комары кусались, был полдень, стояла адская жара. И вдруг в это мирное женское царство — надо сказать, на рынке торговали только женщины, а мужчин, даже покупателей, я не заметила — ворвался сильный пол, да еще в обличье местной власти, вернее, полиции, хотя и в довольно своеобразном одеянии. Два низкорослых полицейских в шортиках, в шляпках, украшенных пестрыми попугайчьими перышками, с карабинами пришли меня арестовать за нарушение порядка, за рисование, вообще не знаю за что. Ну, одним словом, полиция нравов.

Я струхнула: по-английски не говорю, совсем одна, от отеля километра два, если заберут, как меня потом найдут? Этюдник закрываю, уже меня под локотки. Но — о чудо! — женщины, мои натурщицы и мои зрительницы, накинулись на законников, начали с крика, а потом и просто вытолкали их с рынка под веселый хохот, а меня табуном проводили до гостиницы, и мы распрощались уже подругами навек.

А вечером того же дня, вернее, ночью я была в нескольких километрах от Хорара и наблюдала, как старик-эфиоп кормит гиен. Трудно поверить, что такое отвратительное создание, как гиена, может быть добрым другом и помощником. Гиены выполняют роль мусорщиков в Хораре. Все нечистоты города они уничтожают ночами. Но город невелик, и, чтобы они не покинули округ, не нашли себе более обильных мест кормежки, благодарные горожане их еще и подкармливают. Заодно это служит и зрелищем для туристов. Мы едем по шоссе, выраж

виражом, иногда вдруг сверкают изумрудом глаза перебегающих дорогу гиен. Машина останавливается на вытоптанной поляне. Под ветвистым деревом в середине поляны сидит старик, у его ног ружье. Старик в белом хитоне, длинные вьющиеся с проседью волосы спадают на глаза. Все это я увидела в свете фар, потом наступил полный мрак, и, когда глаза стали немного привыкать к темноте, я поняла, что поляна окружена гиенами: зеленые лампочки их глаз горели как иллюминация. Подходим к старику, который усадил нас царственным жестом около себя, прямо на землю. И также жестом, приложив палец к губам, попросил не разговаривать.

Сначала казалось, что тишина стоит полная; постепенно начали проявляться какие-то звуки, треск веток, свист и вдруг — гортанный крик: это старик подзывал гиен. Да, я забыла сказать, что рядом со стариком стояли тазы с костями. Первым подошел, очень осторожно, большой зверь и четким силуэтом застыл в нескольких шагах от нас. Старик уже тише, ласковее что-то ему сказал, и зверь, грациозно ступая, приблизился, взял огромную кость из протянутой руки — очень осторожно взял, не жадно — и тут же, не поворачиваясь, стал отползать назад в темноту.

Опять резкий гортанный крик старика — и из темноты уже два силуэта, не такие крупные, как первая гиена, очевидно, помоложе, как-то суетливо приблизились к нам, отталкивая друг друга. Старик с каким-то укором в голосе стал их успокаивать, они остановились совсем рядом с тазом, но не смели схватить кости без разрешения. Старик взял две одинаковые кости и по очереди вложил в раскрытые пасти, что-то тихо при этом бормоча. Казалось, что каждого зверя он знает по имени и характер их знает, а уж они в полном повиновении у него. Кормление гиен продолжалось несколько часов. Даже развид-

няться стало. На небе Большая Медведица, перевернутая совсем не так, как я привыкла ее видеть у нас дома, уже потускнела. А гиены все подходили и подходили. Кости кончились, старик взял в руки ружье и проводил нас к машине. Где он проведет остаток ночи, я так и не узнала. Никакого строения рядом не было. Густая чаща вокруг поляны, и лампочки зеленых глаз.

И вот еще одна поездка — в Гану, первый город — Аккра. Города как такового я не увидела. Он очень разбросан, даже центра нет. Дома разные — и высокие современные здания, и маленькие хижины, и постройки барачного типа, а больше всего особнячков часто без оград, с зелеными газонами и ухоженными цветничками. Городского транспорта почти нет, изредка ходят переполненные автобусы, если нет машины — добираться как знаешь, а концы — в десятках километров.

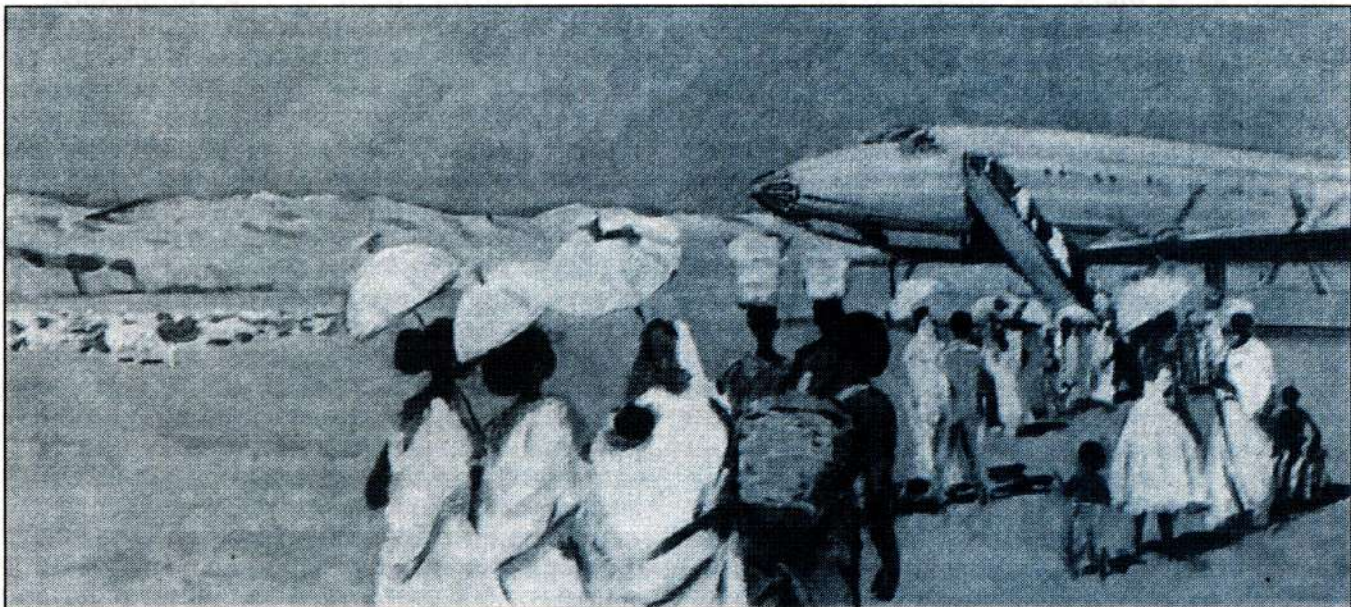
Жара стояла тяжелая, влажная, был ноябрь месяц, а это еще самый прохладный период, еще не зацвела пламенеющая акация «смерть европейцам». Правда, в отеле, где мы остановились, воздух кондиционированный. Но на улицах первые три дня, пока не акклиматизировались, дышать очень трудно. Освежало только купанье в океане.

Океан серый, с резкими приливами и отливами по четкому расписанию, с полукруглым горизонтом — близость экватора. Очень светлый, почти белый песок, мелкий-мелкий, на нем разбросаны крупные розовые, сиреневые раковины. Вдоль океана, у кромки воды, — стройные ряды пальм, в прилив их корни омываются водой, в отлив обнажаются. Купаются только в прилив; в отлив, когда океан может утянуть вглубь, на городских пляжах бегают дети с погремушками и колокольчиками, оповещая об опасности. Под пальмами живописными группами расположились женщины — продают фрукты. Чего-чего там только нет. И янтарные очень боль-

шие ананасы, и грейпфруты размером с арбуз с красной мякотью — корольки, и арбузы, и манго, и, конечно, апельсины, и мандарины, уже очищенные от оранжевой шкурки. Похожи на белые шарики, их в Африке не едят, а только высасывают сок. Поэтому и продают уже очищенными. Вечерами улицы покрыты раздавленными белыми мячиками, так как нет человека, который за день не выпьет сок из десятка апельсинов и, конечно, тут же не бросит их на землю. И опять свой особенный запах: уже не цветочный, а прело-цитрусовый. Вечерами к океану подъезжают на машинах горожане. Не купаться, а за рыбой и креветками. Рыбаки привозят рыбу в черных вытянутых пирогах, сгружают ее в большие корзины, а под пальмовыми навесами на сколоченных из досок столах женщины раскладывают улов на зеленые большие листья.

Обычно рыбные базарчики начинают торговлю при заходе солнца. Серый океан, красный, неправдоподобно большой круг солнца, лиловые тени, и серебристая рыба в зеленых листьях. Но самое живописное — это группы торговки в ярких тканях. На головах причудливые постройки из сверкающего нейлона, ну прямо на бал собрались, а не рыбой торговать. Дети, которых тут множество, одеты менее нарядно, но не менее живописно. Черные стройные фигурки, как скульптура из черного дерева, в малиновых трусиках или линялых джинсах. Они помогают подносить к машинам корзины с рыбой, зазывают покупателей. Однажды в Гвинее, в Конакри, я попала на такой базар поздно вечером. Рыбу уже распродали, сумерки перешли в южную звездную ночь. Рыбаки отдыхали, расстелив циновки, играли в кости, курили, беседовали, на высоких кольях сушились сети. Женщины на маленьких кострах готовили ужин, грели воду, мыли в тазах грудных младен-

Аэродром в Гондаре. Эфиопия. 1959 г. Здесь и далее африканские этюды Мирэль Шагинян.

цев. Спать детей укладывали рядом с очагами на подстилках голышом — ночи ведь жаркие. На опустевших столах мигали светильники. Картина была такая призрачная, что я не раз возвращалась туда вечерами, чтобы писать с натуры. Со мной были приветливы, угощали жареной рыбой. Приветливость, доброжелательность, смешливость, юмор — вот это мне кажется и есть «африканский характер», конечно, если можно обобщать национальный характер такой разнообразной страны.

В Аккре я впервые увидела африканскую деревянную скульптуру не в репродукциях и не в музеях, а просто в маленьких лавчонках, которых в городе множество. Иногда прямо на улицах под деревом продавцы устраивают небольшие сувенирные базарчики, а иногда это не только продавцы, но и сами авторы, тут же режут по дереву или плетут яркие ковры и циновки и одновременно торгуют ими.

Современная деревянная скульптура в Африке как бы делится на две части. Первая — это повторение старой культовой скульптуры, ритуальных масок-наголовников. Подделку под старину изготавливают очень ловко. Закапывают в землю, грязнят — и «патина времени» готова, да и дерево для этой скульптуры берут трухлявое, изъеденное червем. Раскрашивают маски земляными красками, как это делалось в старину, украшают ракушками каури и бусами из высушенных ягод. Надо очень хорошо знать африканскую скульптуру, чтобы не поддаться на уговоры продавца и не поверить, что этот уникальный экземпляр пролежал сотни лет где-то в джунглях. Со временем глаз у меня стал наметан, и в своих следующих поездках я различала скульптуру Ганы и Гвинеи, Сенегала и Мали, а тогда, впервые, накупила всего без разбору — несколько масок, несколько деревянных фигурок, расписанных колебасов (большой плод, который напоминает тыкву, а растет на деревьях, так же называют сосуд из обычной тыквы), циновки из раскрашенной соломы. А когда я попала в провинции Виннеба на праздник урожая и увидела наголовник с перьями на голове колдуна и настоящие ритуальные маски в действии — надетые на головы воинов, которые исполняли охотничьи танцы, — они для меня как бы ожили в своем первоначальном виде, и все встало на свои места. Это не только декоративные украшения. Каждая маска, каждая скульптура несет определенную смысловую нагрузку, и даже ритуальные татуировки на лицах, перенесенные на скульптуру или маску, не случайный декоративный узор, а точное повторение родовых знаков.

В Аккре есть небольшой музей, где собрано лучшее, что осталось в стране. А самые ценные деревянные скульптуры и фигурки из бронзы племени Ашанти, к сожалению, украшают Британский музей. Теперь

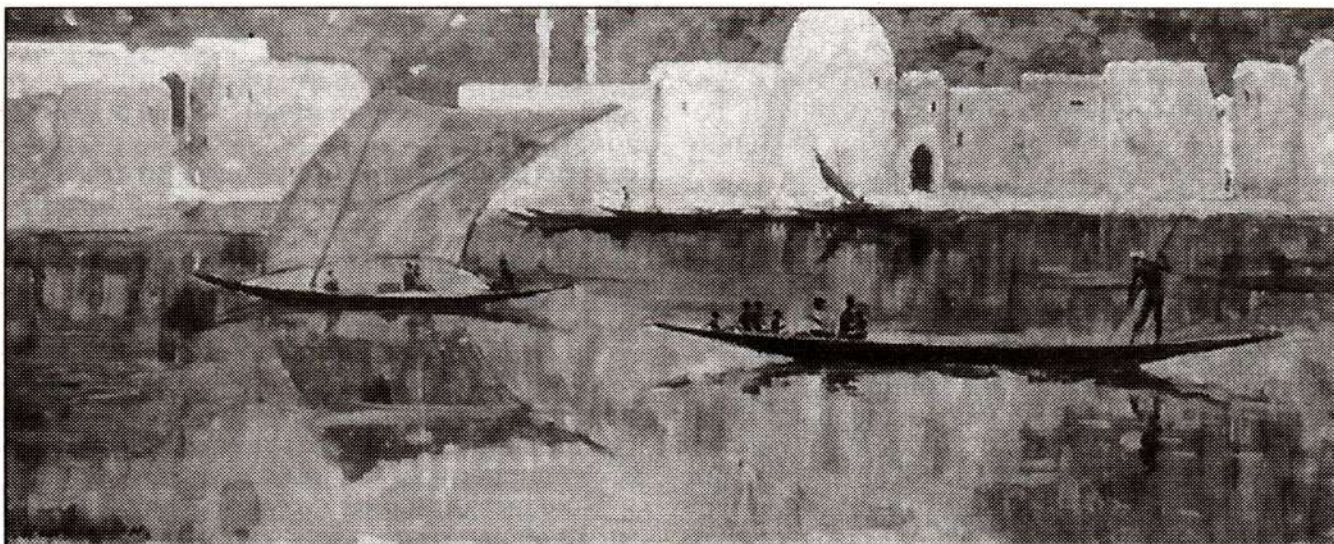
африканские республики очень бережно относятся к своей скульптуре, и из страны можно вывозить только то, что изготовлено сейчас. Таможня внимательно следит, чтобы не уплывали в другие страны предметы быта, культуры, украшения разных племен, изготовленные ранее середины нашего века. В начале века, да, пожалуй, и во второй половине его, африканская скульптура очень вошла в моду как украшение интерьеров, нашла подражателей в Европе. Многие замечательные художники открыли для себя пластику африканской скульптуры, она влияла на их творчество, например Матисса и Пикассо.

Но вот и другой поворот. В 1976 году в мастерской одного из резчиков по дереву в Конакри, где это занятие — семейная традиция, передается из поколения в поколение, я увидела раскрытую монографию Коненкова, да-да, нашего Коненкова! В далекой африканской стране мастер беззастенчиво копировал деревянную скульптуру «русского лесовичка» на свой африканский манер. Забавный плагиат, правда? Вероятно, пользуются образцами не только Коненкова. А туристы все равно все раскупают.

Во второй половине нашего века африканская скульптура снова вошла в современный интерьер. Но надо, конечно, хотя бы один раз увидеть скульптуру, ожившую в ритуальном танце. Тогда сможешь понять всю прелесть, все обаяние подлинника.

Впервые я увидела ритуальные танцы, как я уже сказала, в провинции Виннеба, неподалеку от Аккры. Жара началась с самого утра. Наша небольшая туристская группа была гостями чифа (от английского — шеф, руководитель) провинции и его супруги. Наши места на длинных скамьях оказались совсем рядом с местами царственных особ. Мы попали в тень их балдахина и только благодаря этому не погибли от солнечного удара. Балдахин был бархатный, ярко-красный, расшитый золотом. Перед нами простиралась огромная площадь, вытопанная за многие годы босыми ногами, нигде ни травинки. Отдельными группами расположились крестьяне в ярких одеждах, прибывшие на праздник из разных деревень. Охотники в перьях, с луками, в коричневом и охристом, лица раскрашены белыми и красными полосами, пожилые мужчины в белых «бубу» (широкий, спадающий до самых пят халат — не знаю, как иначе объяснить покррой бубу с широким рукавом; иногда бубу бывает богато вышит, но это праздничный наряд, а будничным просто однотонный, складки спадают тяжелыми фалдами), старухи в лиловом, темно-красном, золотом. На руках и ногах — браслеты из раковин каури, в руках — веера из разноцветных перьев.

В центре — музыканты. Большие тамтамы, круглые колебасы, самодельные струнные инструменты. Пока все застыло как на фотографии, все растворено в палящем зное, смотреть больно — все так ярко и пестро,

но еще ничто не движется, как будто кого-то ждут, хотя трибуна чифа уже переполнена, все знатные гости на местах, все напряжены, такое чувство, как перед грозой.

И вдруг — все приходит в движение, начинают бить тамтамы, издавать какие-то непонятные звуки, которые переходят постепенно от просто ритма в стройную мелодию. Все группы танцуют одновременно, потом, уступая место, отходят на второй план сначала охотники, затем — старики и старухи, и в центре остаются девушки. Они начинают праздник, их танец первый. Девушек так много, они такие яркие, все пластичные и стройные, надо выбрать одну или двух и не сводить с них глаз, иначе не проследишь за рисунком танца, а он вовсе не случаен. Такое впечатление, будто он хорошо отрежиссирован, хотя я точно знала, что это просто крестьянские девушки, а не отобранный танцевальный ансамбль. Танцуют самозабвенно, не обращая внимания на зрителей, да и зрителей в сто раз меньше, чем исполнителей, то есть все наоборот, не как в обычном театральном зрелище. Танцуют для себя, а не для кого-то. В танце выражают свою радость, свое горе.

В африканских женщинах прежде всего поражает осанка. Вырабатывается она, очевидно, от привычки с раннего детства все носить на головах.

В промежутках между танцами несколько человек на высоченных ходулях пересекали площадь, а у них на ногах, вернее, между палок-ходуль крутился шут в юбочке из перьев, ярко разрисованный. Лицо и торс в белых, синих и красных полосах. Он был озорной, юркий, что-то выкрикивал, вероятно, очень смешное, так как все хотали. Когда он приблизился к нам, я увидела, что это глубокий старик, хотя изда- лека он казался совсем молодым, так быстры были его движения. Мне потом объяснили, что такая фигура обязательно присутствует на всех обрядах. Это нечто среднее между деревенским колдуном и шутком. Праздник длился несколько часов: ни палящее солнце, ни стаи комаров, очень ку-

Лодки на Нигере. Мали. 1964 г.

сачих, ему не мешали. Танцующие были неугомымы, они все время сменяли друг друга, как бы состязались в выносливости.

Мы, зрители, обливались потом и так устали за несколько часов, что собрались уезжать. А площадь шумела, двигалась, праздник был еще в самом начале, ведь тянется он до ночи, а иногда и до следующего утра. Еле живая я добралась до номера в гостинице и записала в свой дневник: «Вот наконец-то я видела настоящую Африку». Таких записей в моих дневниках оказалось множество, всякий раз мне казалось, что я увидела «настоящую» Африку.

Самым интересным в поездках было то, что не входило в туристскую программу: просто побродить по улице, потолкаться на базаре, провести день в ботаническом саду, где половина сада «Все плоды съедобны», а половина — «Все плоды ядовиты». Это написано огромными буквами, а то неискушенный посетитель еще перепутает.

Из Аккры до Кумаси на машине 240 километров по очень разбитой дороге. Вверх — вниз, вверх — вниз. Красная пыль превратила нас в краснокожих, но закрыть окна невозможно, духота невыносимая. Хотя период дождей еще не начался, но мы попадаем в полосы тропических ливней. Льет как из ведра, дождь сплошной стеной — все эти привычные, набившие оскомину выражения ни в какой мере не передают ощущения тропического ливня. Вот если не ведро, а океан перевернуть — это, вероятно, будет похоже.

И так до самого Кумаси, все 240 километров. Дождь — солнце, дождь — солнце. К счастью, въехали в город в солнце, успели до сумерек. Подъехали к Культурному центру. Большой ухоженный городской парк. В нем разбросаны домики самого разного назначения. Тут и маленький выставочный зал, и небольшой музей. Несколько открытых эстрад-ракушек, большой барак — лекторий и крохотный «контин» — рабочая столовая. В паркелюдно. Молодежь занимается, раз-

ложив на газонах учебники, на открытых эстрадах идут репетиции самодеятельных оркестров и танцевальных групп, около хижины-библиотеки — очередь студентов. Город университетский, второй по величине университет в стране — в Кумаси.

Направляясь на следующий день в Музей народного искусства, перед входом впервые увидела дерево, на котором росли огромные колебасы.

Я слышала, что домашняя утварь, всяческие сосуды, без которых трудно представить себе африканских женщин, делаются из этих самых, растущих на деревьях колебасов. И вот, наконец, увидела их своими глазами. Будущие тазы, в которых стирают белье, будущие чаны, в которых носят воду и квасят молоко и куда же складывают очищенные апельсины, висели сейчас передо мной на дереве и были ярко-зеленого цвета. Созревший же плод становится золотисто-желтым и достигает иногда больше метра в диаметре. Дерево не очень высокое, но раскидистое, листья блестящие, словно смазанные маслом, глубокого черно-зеленого цвета. И вот обвешано это дерево шарами, огромными шарами, будто кто-то подшутил, надул воздушные шары и разукрасил ими дерево. Я взвесила на руке колебас — он был довольно тяжелый. Как же его удерживает ветка, почему не тянет к земле, а упруго несет на себе, да так много на каждой ветке? Когда плоды созреют и высохнут, они перейдут во владение африканских женщин, станут самым необходимым в быту предметом, выполняя в хозяйстве тысячу функций. Не дерево, а гончар, не дерево, а целый фарфоровый завод.

Самым удивительным в парке было то, что в нем одновременно деревья зеленели, цвели, — там как бы встретились одновременно все времена года. Это всегда поражает в Африке, но еще поразительней, когда одно какое-то дерево, например манго, в одно и то же время может и плодоносить, и цвести, и ронять листву.

Вспользовавшись перерывом между дождями, я поехала в университет приглашать на вернисаж студентов и преподавателей факультета изящных искусств. Меня очень любезно встретил декан графического факультета мистер Банч. Маленький румяный англичанин был вылитым героем Диккенса — мистером Боффином. Много лет уже он работает в Кумасийском университете, влюблен в Африку и в африканское искусство, совсем оторвался от Англии, осел здесь прочно и, как он мне сам сказал, не скучает по родине и не собирается туда возвращаться. Студентами своими очень гордится. Познакомил со своими дипломниками, показал работы студентов младших курсов. Графический факультет имеет свою полиграфическую базу. Студенты не только учатся, но и выполняют заказы местных издательств, иллюстрируют книги и журналы, печатают плакаты. Сам мистер Банч — и график, и живопи-

сец. Несколько картин развешено на стенах его кабинета.

Дом профессора Банча-Боффина — уютный коттедж, окруженный английскими газонами и цветущими клумбами, располагается на территории университета. Коттедж и внешне, и внутри — как с цветной рождественской открытки.

Миссис Банч, высокая, худая, на две головы выше своего мужа, расставляет на столе сладости, вернее, печености собственного изготовления в таком количестве и такого разнообразия, что, увидев мой совершенно ошалелый взгляд, тут же объясняет, что она преподает в университете кулинарию, что она специалист по кексам и пудингам.

Но благодаря вмешательству профессора мы перешли от тортов к великолепной медной скульптуре племени Ашанти, вернее, не к скульптуре, а к миниатюрным бронзовым фигуркам и сложным многофигурным композициям, которые в старину служили гирями для взвешивания золота, а теперь превратились в сувениры. Увидев, как я заинтересовалась бронзовыми фигурками, энергичная миссис Банч — а она бралась за все решительно, не только пудинги были ее стихией — быстро отстранила маленького профессора, перебив его объяснения. Завтра, объявила миссис Банч, она поведет меня к своей приятельнице, которая и есть самый главный знаток бронзы Ашанти не только в Кумаси, не только в Африке — она является первым специалистом во всем мире, и ее коллекция лучше, чем коллекция Британского музея.

Так и запомнился мне их дом — сладким, уютным, дружелюбным, шумным и веселым. Да, я еще не сказала, что в этом доме всегда бывает много детей: им там очень хорошо и очень вкусно, так как хозяйка дома ежедневно совершенствуется в своей профессии и каждый день изобретает новый рецепт.

На следующий день, как мы и договорились, миссис Банч заехала за мной. Маленькая машина, которой она управляет, вся разваливалась, двери не закрывались, заднее стекло разбито, покрышки полуспущены. Машина так дребезжала, что я думала, мы не доедем, но все это совершенно не смущало миссис Банч. Вскоре мы остановились перед большим домом, построенным в колониальном стиле. Дверь открывает толстая африканка в белоснежном накрахмаленном фартуке, проводит в холл и просит подождать хозяйку, которая где-то задержалась. Пока мы ждем Пегги Апиан, миссис Банч рассказывает мне ее историю. Дочь посла Англии в Советском Союзе, во время войны жила с отцом в Москве. Вернувшись в Англию, вышла замуж за студента Оксфордского университета из Ганы. Она была первой англичанкой из аристократической семьи, не побоявшейся выйти замуж за человека с черной кожей. В семье разразился скандал. Порвав со своим классом, Пегги уез-

жает в Гану, да еще не в столицу Аккру, а в маленький городок Кумаси, откуда родом был ее муж. И здесь она нашла себя. Сначала начинает записывать легенды племени Ашанти, объезжает деревни, изучает разные диалекты, обряды, собирает предметы культа. Постепенно превращается в самого крупного специалиста-этнографа, и ее коллекция, собранная за несколько десятилетий, признана лучшей в Гане. Теперь ее признали уже и в Англии, она прощена семьей, но Кумаси покидает редко, только если нужно прочесть лекции об искусстве племен Ашанти или показать свою коллекцию в Лондоне. Дети ее живут в Англии. Муж за эти годы сделал политическую карьеру, сейчас он в Нью-Йорке, представляет в ООН свою страну, а Пегги в Кумаси пишет книги, выезжает вглубь страны, разыскивает все новые и новые сокровища для своей коллекции, читает лекции в университете, записывает легенды, снимает фильмы. В деревнях она своя, ее приглашают и на похороны, и на свадьбы, и на праздники урожая. Она знает в округе всех колдунов и знахарей. Чифы всех провинций с ней советуются, ее любят и ею гордятся. Выслушав все это, пока мы пили кофе, я с нетерпением ждала прихода Пегги Апиан — какой же окажется эта живая легенда?

Дверь открылась, и в комнату вошла высокая полная седая женщина в полотняном платье-робе. Крепко, по-мужски, пожала мне руку и сказала по-русски: «Здравствуйте». Несколько русских слов она еще помнила.

Цель нашего визита Пегги ясна. И вот, к моему изумлению, она начинает вытаскивать ящики — а я забыла сказать, что вся ее комната до потолка была уставлена шкафами с узкими ящиками — и высыпать прямо на пол бронзу Ашанти.

— Я это делаю почти ежедневно, — объясняла Пегги, — даже когда нет посетителей. Мне необходимо часто все сортировать, ведь я пишу книгу об этой бронзе.

На пол она вывалила не меньше тысячи маленьких скульптурок. Сколько же ей потребуется времени, чтобы уложить все обратно? Мы садимся в кружок прямо на полу, хозяйка первая подает нам пример. Очень это увлекательное занятие рассматривать маленькие бронзовые фигурки. Почти нет повторений, каждая своеобразна и совершенна по исполнению. Вот маленький человек в набедренной повязке держит в руке топорик; большеголовый, с выразительным лицом человечек лезет на дерево; черепаха с вытянутой шеей на плоском листе; две ящерики, сцепившиеся хвостами; большой паук и рядом с ним маленький.

Каждая гирилка — а ведь это просто старинные гирилки для взвешивания золота — маленький шедевр. Гораздо легче было бы нарезать кусочки бронзы разного веса и взвешивать себе золото. Но ведь не ленились древние ашантийцы каждую гирилку отлить, довести до совершенства. И вот теперь они дошли до нас и украшают полки коллекционеров.

Неделя дома проходит молниеносно, как будто календарь прыгает из понедельника сразу в воскресенье. Неделя, проведенная в чужом городе, растягивается во времени. Где я только не побывала в Кумаси, а сколько новых лиц увидела, сколько судеб узнала, со сколькими людьми успела подружиться! День мой делился на две части: до обеда — дежурство на выставке, вторая половина

Школьники. Гана. 1961 г.

дня — гуляю по городу, рисую на базаре, в узких торговых улочках. Ну, а вечерами — обязательно к кому-нибудь в гости. Само по себе дежурство на выставке тоже ежедневное общение все с новыми и новыми людьми.

Африканцы — зрители замечательные, любознательные, серьезные, вдумчивые. На вопросы надо отвечать не только по экспозиции, ведь интересуются они не только работами, но и нашей страной, все им интересно: и система образования, и женский вопрос, и условия труда, и заработная плата, и сколько детей в семьях, и что такое снег и... ну, всего не перечислишь. Отдежурила на выставке, иду в «контин». Это маленькая рабочая столовая. Я уже знаю, какие блюда надо выбирать, за неделю изучила все меню. Столовая очень дешевая, кухня только африканская; для меня специально достали ложку, вилку и ножик, потому что там принято есть руками все, даже пальмовый суп, сложив в ладошку фунтиком между большим и указательным пальцами кусочек лепешки, черпают из миски густой суп. Вероятно, удобно, но я не сумела. На второе — или рис с рыбой под острым соусом, или кунтумбра с мясом. Кунтумбра растет рядом с каждой хижинкой. Это длинные остроконечные листья, по вкусу напоминающие шпинат. Можно на второе взять и маниоку с острой подливкой. Этот корнеплод на вкус как сладковатая картошка. Меня уже знают и наперебой советуют, что нужно отведать. И, конечно, опять вопросы: а что мы едим в Москве, какие овощи и фрукты у нас растут и почему мы не замерзаем зимой?

В Аккре я живу в семье московских друзей. Живем мы далеко от центра, на тихой зеленой улочке, куда не доносится шум большого города. Уклад в доме московский. И если бы не молоденькая няня Беатрис и ночной сторож Сюзан, лицо которого изрезано родовыми знаками, и не вспомнишь, что ты в Африке.

Главная в доме — двухлетняя златокудрая Варя, которая хотя и родилась в Москве, но всю свою «сознательную» жизнь провела в Аккре в обществе Беатрисы и Сюзана и разговаривает только на каком-то диалекте, на котором говорит Сюзан; со своей няней девочка почти не общается, ей хватает общества своего друга, который ночью караулит виллу, а день проводит в обществе Вари. И так они дружны, так любят друг друга, что никто им больше не нужен. Откуда странное имя Сюзан в англоязычной стране Гане, он, по-моему, и сам не знает. Сюзан работал на вилле еще до того, как там поселились мои друзья. Около красивых резных чугунных ворот, которые на ночь запираются, стоит маленький, сколоченный из неоструганных досок (правда, доски из красного дерева, в Гане все из красного дерева, другого там нет) топчан без тюфяка и без подушки. Рядом с топчаном, на котором Сюзан проводит

ночь, на земле лежат лук и стрелы. Ни один грабитель и, не дай Бог, колдун не смогут войти. В то время в Аккре было беспокойно, носились слухи, что какой-то колдун ходит из дома в дом и нагоняет порчу на взрослых и детей. И в это верили не только местные, но и иностранцы, и мы в том числе. Вся надежда на отравленные стрелы Сюзани, как его ласково называла Варя.

Сюзани очень маленький, не больше 140 см роста, из каких лесов он пришел в Аккру, никто не знал. Кроме Вари, его никто не понимал, английского языка он не знал, поэтому с ним можно было говорить с тем же успехом по-русски, что мы и делали, а он в ответ только улыбался и кивал головой. Улыбка у него такая добрая, что вся его некрасивость и угловатость пропадает, стоит ему улыбнуться. А улыбался он почти всегда. Костюм его по будним дням состоял только из шорт, сшитых им собственноручно из мешковины, в которую зашивали посылки в Москве, — адрес Союза обществ дружбы можно было прочесть на его ягодицах. Хотя ему и была отведена комната в доме, он там не жил. День проводил в саду, ухаживая за газоном и деревьями. У него свой маленький огород. Помидоры и перец со своих грядок он ежедневно приносил нам. Готовил в саду на маленьком костре. Утро в доме начиналось так. Просыпалась Варя, выбегала босиком в сад и звала Сюзани, а он уже бежал к ней навстречу, сияя своей доброй улыбкой. Варя обнимала его ногу, он одной рукой отрывал ее от своей ноги и сажал на бедро, и они шли к очагу готовить себе завтрак, мирно беседуя на непонятном диалекте. Завтрак готов. Сюзани и Варя на корточках возле котелка по очереди достают что-то из него, дуя на руку, чтобы не обжечься. Оба счастливы, оба блаженно улыбаются. За завтраком в доме Варвара, конечно же, ничего не ест, хотя вся семья ее уговаривает. Ребенок плотно зажимает рот: впереди — обед с любимым Сюзани, зачем же ей обыкновенная каша или котлеты.

Отмахнувшись от надоевших ей родителей, она опять бежит к своему другу. Раз в неделю, по пятницам, у Сюзана выходной день. Утром он появляется в саду в торжественном наряде. Длинные брюки и белая рубашка заменяли будничные шорты из мешковины. Голову украшала допотопная фетровая шляпа, в руках — портфель. Лицо при этом торжественное. Важной походкой он направлялся к городу. Возвращался к пяти часам. Варвара поджидала его у ворот, и до следующей пятницы все шло заведенным укладом.

Мы изнывали от любопытства, что делает Сюзан в городе, что он носит в портфеле. Это, конечно, очень нехорошо, но любопытство наше взяло верх, и мы как-то заглянули в его портфель, правда, не украдкой, а в его присутствии. Портфель оказался пустой, Сюзан брал его просто для солидности.

А что он делал в городе, мы позднее узнали, совершенно случайно встретив его там.

Африканский натюрморт. 1968 г.

Аккра в тот период была охвачена страстью к лотереям. Мне вспоминались первые неореалистические итальянские фильмы, где герои и героини покупали лотерейные билеты на улицах и со свойственным итальянцам темпераментом выражали свои эмоции, когда не выигрывали. В Аккре на улицах при розыгрыше лотерейных билетов собиралась огромная толпа, шум стоял страшный, автомобильное движение прекращалось.

Были и специальные колдуны, которые за небольшую мзду колдовали, чтобы билет оказался выигранным. Вот в такой-то толпе, когда наша машина застряла и нам пришлось объезжать целый квартал, мы и увидели Сюзю. Он стоял в очереди к колдуну, был очень возбужден и не заметил нас. Но самое интересное, что в этот день он выиграл. Сюзан вернулся домой как всегда в пять часов, держа портфель в левой руке, а в правой сжимал деньги — для него довольно большую сумму. Он не радовался, наоборот, лицо его было испуганное, какое-то затравленное. Отдельными английскими словами и жестами он объяснил нам, что теперь разбогател и ему надо вернуться в родную деревню. В это время Варя залезла к нему на спину и обняла за шею. Она как будто поняла все происходящее и так крепко вцепилась в своего друга, что он вдруг просиял, махнул рукой и остался в доме. Потом мы узнали, что деньги он отослал в деревню, не истратив на себя ни копейки.

Другой обитатель дома, где я прожила больше месяца, — няня Беатриса — была полной противоположностью Сюзану. Ей всего 17 лет, но она уже твердо знала, чего хочет от жизни. Девушка приехала из далекой деревни в город, чтобы скопить себе приданое. Очень хорошенькая, тоненькая, с красивыми длинными иссиня-черными ногами, она все время вертелась перед зеркалом. Девушка была честной, в доме ничего не запиралось, деньги могли лежать на столе, но, опаси

Боже, оставить без надзора флакон духов или пудру — все тут же исчезало. Свалив свои обязанности няньки на Сюзана, она целыми днями слонялась по дому, меняя туалеты. Вечерами к калитке приходили молодые люди, которых она называла братьями из деревни. Но даже если семья у нее чрезвычайно большая, вряд ли у нее было такое множество братьев, да и вид у них был скорее городской, чем деревенский. Она свободно говорила по-английски, за короткий срок выучила русский. Страстью ее был телевизор. Как только начиналась телевизионная программа, Беатриса усаживалась в кресло, и даже приход очередного брата не мог оторвать ее от экрана. Характер у нее был очень вспыльчивый, и часто нам приходилось разнимать драку с соседними няньками. Дралась она яростно. Ссоры у них вспыхивали из-за любого пустяка. Улица, вернее, узкий переулок, всегда такой тихий и уютный, вмиг собирал толпу зевак, где в центре Беатриса самозабвенно коллошматилась свою очередную жертву, вцепившись ей в волосы. После таких побоищ, немного всплакнув, она успокаивалась и до следующей драки сидела у телевизора. Городская жизнь ей явно пришлась по нраву, и уже было не до приданого и не до жениха в далекой деревне.

Как я была благодарна своим московским друзьям, что они дали возможность пожить в Аккре не в гостинице, а у них дома. Живя в частном доме, узнаешь о стране гораздо больше: базар становится не просто ярким зрелищем, а местом, где нужно купить продукты получше и подешевле, завязывается знакомство с хозяйками соседних с домом лавочек. Начинаешь разбираться в диковинных овощах, даже знаешь, какую выбрать маниоку и какой сорт манго или папайи нежней, на каком рынке лучше авокадо, а

на каком — дешевле артишоки. Все это, казалось бы, мелочи, но из них складывается повседневная жизнь, в которой сама принимаешь участие.

Патриархальный, деревенский уклад жизни маленькой улочки, когда я возвращалась после выставки, встречал меня запахами дыма, жареной рыбы, скошенной травы. Дети бегали и прыгали через веревочку, мальчики гоняли металлическими прутиками колеса. У калиток судачили кумушки — все такое знакомое, родное, привычное, как в любимом мной Коктебеле.

Но больше всего меня удивляло, когда я возвращалась домой, то, что я ни разу не слышала детского плача на нашей улице. Ссоры, перебранки соседей случались, а вот дети почему-то не плакали. Позднее мне рассказали, что женщины Западной Африки не боятся избаловать своих детей. Африканская женщина успокаивает младенца сразу, не дай Бог, чтобы он заплакал, ведь, если кто-нибудь услышит детский плач, скажут, что мать изменяла мужу во время беременности и ребенок плачем требует, чтобы она призналась в своем грехе. Мать привязывает ребенка к спине и не разлучается с ним и во время работы, и во время отдыха. А повзрослевший ребенок, не научившись плачем требовать чего-то в младенческом возрасте, не плачет совсем. Почти все семьи многодетны. В Западной Африке считают, что дети — это богатство.

А как матери гордятся своими детьми! Погладишь малыша по голове, мать так и светится счастьем. Иногда мать сама почти ребенок. А бывает у очень старой женщины к спине привязан грудной ребенок. Но возраст женщин определить трудно. Из девочек они как-то сразу превращаются в немолодых, минуя средний возраст. Африканские женщины стареют гораздо быстрее мужчин. Вероятно, и от частых родов, ну а главное, от постоянного труда. Мужчины-африканцы — без возраста. Гладкая кожа, лицо вылеплено крепко, с возрастом совсем не деформируется. Я ни разу не видела лысеющего африканца, седые среди них тоже встречаются редко. Если встретишь старца, то это уже очень глубокий старик. Промежуточной стадии между юношей и стариком, по-моему, как-то не существует.

Следующая страна — Того. Если смотреть по карте, то это узкая полоска, другой стороной граничащая с Дагомеей. Если Гана в те годы еще сохранила остатки британского владычества, хотя бы левосторонним движением, английскими денежными знаками, футами, ярдами, то маленькая Того — страна франкоязычная.

Расположенная в нескольких сотнях километров от Ганы, она резко отличалась от нее не только языком. Прежде всего, Того живет другим укладом и в другом ритме. Все маленькое, уютное, комфортабельное.

Как только на машине мы переехали границу, съехав с левой стороны на обычную для нас правую, сразу стало заметно: это — другой мир. И пальмы те же, и прибор тот же, а все — другое.

Столица — город Ломе на берегу океана. Город — это пляж, базар, несколько больших отелей и тихие улицы с небольшими домами в зелени, но стоит отойти от отеля на 300 метров, как попадаешь в рыбацкую деревушку, где чинят сети, варят на очагах пищу, спят на циновках под открытым небом, словом, в органичную для Африки атмосферу, и уже забываются бетон и стекло, хотя и удобные для жилья, но такие чужие здесь. От нескольких дней, проведенных в Ломе, у меня в памяти сохранились только рыбацьи деревушки, яркий настоящий африканский базар и серый беспокойный океан — куда ни глянь, он всюду. И еще осталась фотография мальчика, с которым я там подружилась. Он был все дни пребывания в Ломе моим гидом. Я с ним объяснялась довольно странным образом: рисовала на песке то, что хотела ему сказать или о чем хотела его попросить, а он мне отвечал тоже рисунками, очень, кстати, живыми и выразительными.

Мальчик при знакомстве представился — «машинистка». Он работал где-то в офисе, действительно секретарем-машинисткой, для 17-летнего мальчика — очень почетная профессия, «мама моя коммерсант, а папа врач». Наше знакомство произошло так: на границе, когда мы проходили несложный таможенный и паспортный контроль, а я стояла в стороне и делала набросок с сидящих рядом женщин, продающих апельсины, ко мне подошел высокий худенький мальчик и стал смотреть через плечо. Я очень не люблю, когда смотрят в блокнот, но что поделаешь, приходится терпеть.

Мальчик был очень деликатен и приветлив, а когда подошел наш переводчик, он тут же представился, назвав себя, как я уже сказала, «машинисткой», и добавил: «Я хочу мадам художнице показать свой город, я найду за мадам завтра в отель к 10 часам». Итак, у меня завелся персональный гид, да еще, как выяснилось потом, родившийся и выросший в этом городе. Я была очень горда.

Ровно в 10 он меня ждал у выхода из отеля. Он был очень торжественен. На нем была рубашка вся в газетных наклейках, а за правым ухом — самопишущая ручка, не спутаешь — секретарь-машинистка. Итак, я пустилась в экскурсию по городу с гидом, язык которого не понимала, но меня это не пугало и его тоже: был пляж, песок, на котором можно было рисунком изображать и вопрос, и ответ. Мой спутник повел меня по песку в сторону рынка. Песок был влажный. Ноги в него проваливались, рисовать на нем было удобно, идти трудно. Я сняла туфли, мой спутник галантно взял их у меня. В молчании прошли несколько метров, около черной пироги, которую рыба-

ки волокли к берегу, остановились. Рыбаки вычерпывали консервными банками воду. Мой спутник поболтал с рыбаками, а потом жестами и рисунками объяснил мне, что лов был неудачный, что лодка протекает, что теперь до полудня в океан идти нельзя, что рыбы сегодня не будет и вообще день не удался.

Наконец подошли к городской набережной, отряхнули с ног песок и пошли в сторону рынка. Мой спутник вел меня к своей маме — представить. Коммерсантка оказалась очень толстой, совсем еще молодой женщиной. Лавочка ее, как и тысячи подобных лавочек во всех концах континента, выглядела так: наскоро сколоченные доски, на них разложены товары — несколько бутылок кока-колы, пачки жевательной резинки, патентованные лекарства, главным образом противомаларийные, горстка карамелей на тарелочке, туалетная бумага, мыло и, конечно, арахис, уже лущеный. У ног женщины играли трое ребятишек, как мне показалось, одного возраста, погодки или близнецы. И еще один, совсем крошечный ребенок, головка которого была такая маленькая, думаю, и месяц ему не исполнился, был привязан к ее широкой спине.

На голове этой огромной, сверкающей белоснежными белками и такими же белоснежными зубами женщины была очень сложная постройка из прозрачного желтого нейлона в золотую клетку, платье было оранжевое в крупных цветах. Что уж сказал мой спутник — не знаю, но коммерсантка сияла радушием и добротой, тут же скрутила фунтик из газеты и насыпала мне арахиса; на своих соседок, таких же торговки, она смотрела с превосходством: у нее в гостях — иностранка, да еще из далекой страны, есть чем гордиться, а старший ее

сын кончил школу и работает «машинисткой».

По-моему, ее совсем не волновало, как идет торговля. Получала ли она прибыль от своего бизнеса, не знаю, но день проводила с детьми, чувствовала себя как в клубе, окруженная такими же женщинами, — не скучно, можно посудачить.

Мы постояли около нее минут пятнадцать. Я подержала на руках по очереди каждого малыша — они совсем не боялись идти на руки к чужестранке — отведала арахиса, и мы пошли дальше вдоль рыночных рядов. Мой спутник был тут своим человеком: его все приветствовали, вероятно, он вырос на рынке, у ног матери, как сейчас растут его братья и сестры.

Куда он вел меня, я еще не знала, но мы углублялись в рынок, а не выходили за его пределы. Я начала догадываться, что теперь будет знакомство с врачом, так как начались ряды лечебных трав и корешков. И действительно, скоро мы остановились возле высокого худого мужчины. На прилавке перед ним были аккуратно разложены разные корешки, пучки трав, высушенные ящерицы, летучие мыши, в мешочках какие-то семена. Тут же стояли большие бутылки с какими-то настойками, целая аптека. «Врач» был одет в голубое бубу, на голове красовалась маленькая вышитая шапочка. Очки в простой металлической оправе делали его чем-то похожим на Чехова. Взгляд внимательный, цепкий. Длинные тонкие пальцы все время работали. То что-то пересыпали из банок в пакетики, то связывали травы в пучки, то разливали из больших бутылей какую-то жидкость в маленькие флакончики, все очень ловко, привыч-

Помолвка в г. Сегу. Мали. 1961 г.

но. Знакомство наше не происходило так же весело и непринужденно, как с мамой, а было торжественным и церемонным. Предварительно вытерев руки о пеструю тряпку, выслушав объяснения сына (а он меня довольно долго представлял, я так и не узнала, что же он обо мне говорил), врач протянул свою тонкую руку и крепко пожал мою. Опустив очки, внимательно меня оглядел, вероятно, так он осматривает своих пациентов, счел меня здоровой, не стал потчевать своими снадобьями, что-то скороговоркой сказал своему сыну и потерял к нам интерес. В этот час больных около него не было, но количество изготовленных пакетиков и бутылочек говорило о большой практике. Так, во всяком случае, я подумала. И еще подумала, что такие, вероятно, были помощники у Альберта Швейцера в его легендарной больнице в Ламбарене. Не знаю, был ли у этого рыночного доктора диплом, но весь он, длинный, тонкий, серьезный, с умными добрыми глазами, сразу вызывал к себе доверие: такой человек обязательно должен вылечить, иначе и быть не может. Не раз в своих следующих поездках по Африке я убеждалась, что травы и корни, которые продаются не в аптеках, а на рынках, волшебным образом лечат самые разные болезни, а уж головную боль снимают мгновенно, стоит только выпить стаканчик настойки из какой-то травки. Замечательно эти знахари лечат радикулиты, боли в суставах. Это мне уже позднее рассказывали наши специалисты, работающие в разных странах Африки. А пока мое первое знакомство с врачом в Ломе меня не разочаровало. Я теперь знала — не пропаду, заболею — вылечат.

В Африке я смогла дважды побывать в селениях пигмеев.

Попасть к ним не так легко. В Уганде — на границе с Конго — поселение пигмеев находится в лесах Итури, в самой глубине, куда не подъедешь по шоссе на магистральной дороге. К тому же оказалось, что там зона военных действий, ссорятся племена баконджо и баторо, и без специального пропуска военной комендатуры Форт Портала туда не проехать.

Эти хлопоты заняли два дня, и наконец мы едем по дороге, которая петляет по отрогам Лунных гор, или гор Рувензори, как они названы на картах. Пейзаж сумрачный, небо обложено ватными облаками, моросит мелкий дождь, минуем перевал, и дорога спускается в глубокое ущелье. Мы попадаем в тропический лес, глухой, без просветов и вырубок. Стволы гигантских деревьев как веревками, обвиты лианами, сырой запах гнили и плесени.

Сворачиваем с главной дороги и по лужам и кочкам узкой просеки въезжаем в деревушку, но еще не пигмейскую деревуш-

ку, а населенную племенем Муконджо, рослыми воинственными охотниками.

Наш шофер ведет переговоры с вождем селения, который обещает проводить нас до деревни пигмеев. Первая неудача: деревня сейчас почти пуста, так как все мужчины ушли в Конго на похороны, и мы сумеем увидеть только женщин и детей.

Нас заранее предупреждают, что если мы захотим сфотографировать пигмеев, то на это есть строгий тариф — по три шиллинга за фотографию. Вот таким путем цивилизация проникает в пигмейское племя Бамбути.

Все-таки одного мужчину пигмея мы увидели. Это был вождь, который остался охранять женщин и детей. Он и вышел к нам, а за ним, пританцовывая, шли маленькая старушка и несколько детей, совсем уж крошечных, но со взрослыми лицами. По росту они могли быть трехлетними, но это были дети 10-ти, а то и 12-ти лет.

Вождь одет очень буднично — в линялой майке и трусах. Рост его не превышал 120 сантиметров, но сложен он был пропорционально. После переговоров нашего шофера и старосты деревни Муконджо с маленьким вождем пигмеев нас повели по узкой тропинке к трем хижинам-шалашам, сплетенным из сухих трав и листьев. Это и была деревня пигмеев, где всего-то и проживало человек 20, а сегодня из-за похорон за границей, то есть в Конго (граница, как нам сказали, в двух километрах), осталось человек восемь: вождь, две старушки и несколько пигмейчат.

Наш визит, видимо, их обрадовал, все-таки не часто можно заработать шиллинги, позирруя перед фотоаппаратом, к тому же, видимо, они рассчитывали и что-нибудь продать туристам. Появились шкуры обезьян, ножи с выжженным орнаментом на рукоятках, музыкальные инструменты, обтянутые шкурой питона, луки, стрелы. Началась бойкая торговля по всем законам африканских рынков: не прошло и минуты, как я уже стала обладательницей длинного ножа и непонятного музыкального инструмента по названию н'донго, но с порванными струнами.

Мы сделали несколько групповых фотографий, они у меня хранятся; рядом с пигмеями я выгляжу «гулливерихой».

Эта первая встреча с пигмеями потрясла меня просто своим фактом — вот, мол, я в числе немногих людей познакомилась с пигмеями уже в другой стране — Центрально-Африканской республике, где в большом пигмейском поселении провела целый день.

Опытные люди нам посоветовали взять в подарок соль, и мы везли довольно большой мешок в несколько килограммов.

Красная пыль осела не только на наших лицах, руках и ногах. Она выкрасила всю придорожную зеленую деревню, куда ни глянь — всюду красным-красно. Даже хижины деревень, мимо которых мы проезжаем, из красной глины, солома кровель тоже запорошена красной пылью. Только дверные проемы, закопченные дымом из очагов, черного цвета.

По обочине дороги на ящиках или грубо сколоченных столах лежат фрукты, стоят бутылки с пальмовым вином и пустые консервные банки для денег. Автомобиль останавливается, путник может взять фрукты, выпить вина и ехать дальше, бросив монетку в пустую банку из-под сока, бросить столько, сколько он считает нужным. Вокруг нет ни души, люди работают на банановых плантациях в глубине за хижинами, а придорожные базарчики — на самообслуживании.

Мы остановились на середине пути, выпили кислого мутного пальмового вина, заели сладкими спелыми бананами, захмелели быстро от жары и тряски и покатали дальше. Вторая наша остановка была в большой деревне, довольно богатой на вид: дома просторные, прямоугольные, с окнами, крытые аккуратно выложенной соломой, невдалеке на полянке паслись зебу, между домами разгуливали крупные куры.

Буквально через несколько метров встречаем первого пигмея. На ярко-желтом катке, который утрамбовывал красную лесную дорогу, за рулем сидел крохотный немолодой человек. Пигмей — и техника! Это уже что-то совсем новое. Нам сложным тройным переводом объясняют, что в поисках приработка пигмеи теперь часто садятся за руль.

Вторая половина XX века. Пигмеи уже знают вкус табака, им нужны сахар, соль, спички и кухонная утварь, короче говоря, нужны деньги, одной охотой и лесными плодами они уже обойтись не могут. И вот пигмей укатывает дорогу и лихо крутит баранку руля.

Лес редеет, вот уже видна деревня. На площадке подковой выстроились круглые хижины с остроконечной кровлей из сухих листьев. С другой стороны, за хижинами, снова густой лес. Шум наших шагов и наши голоса оповестили жителей деревни о приезде гостей. На площадке стали появляться маленькие люди, а из хижин с визгом выскакивали женщины и убежали в лес, чтобы (как мы поняли через несколько минут) принарядиться. Они возвращались из леса довольные собой. Костюм их состоял из пучка свежих листьев и трав, зажатых между ягодицами, прямо как на картинах Босха. Обнаженные груди были перехвачены косичкой, сплетенной из травы. У одной самой кокетливой нижняя губа была оттопырена веером, в нее была вставлена, вероятно, сложным хирургическим путем половинка блюдечка.

Некоторые женщины были бритоголовые, у некоторых волосы густо смазаны глиной.

Лесные красавицы окружили нас плотным кольцом. Какие они маленькие, почти девочки, только большая грудь или беременность говорили о том, что у многих были уже собственные дети.

На мужчинах — набедренные повязки из ткани или пучка трав. Человека три были в шортах.

Началась церемония знакомства. Все три наших переводчика работали последователь-

но, переводили слова приветствия хозяев нам и соответственно наши приветствия — хозяевам.

Мешок с солью наш шофер поставил в центр площадки.

Вскоре появились оркестранты с тамтамами разной величины, и начались танцы по кругу.

Начали танец женщины, среди них было очень много беременных, с большими животами. Пупки торчали пирамидкой. Не дай Бог, от бешеного ритма кто-нибудь из них начнет рожать, но этого не случилось, хотя пигмеи, забыв о нашем присутствии, танцевали без передышки больше часа подряд.

Постепенно в круг вступали мужчины. Только музыканты, наши переводчики и мы не были вовлечены в танец. Фотографировать танец не возбранялось, денег за это с нас не брали.

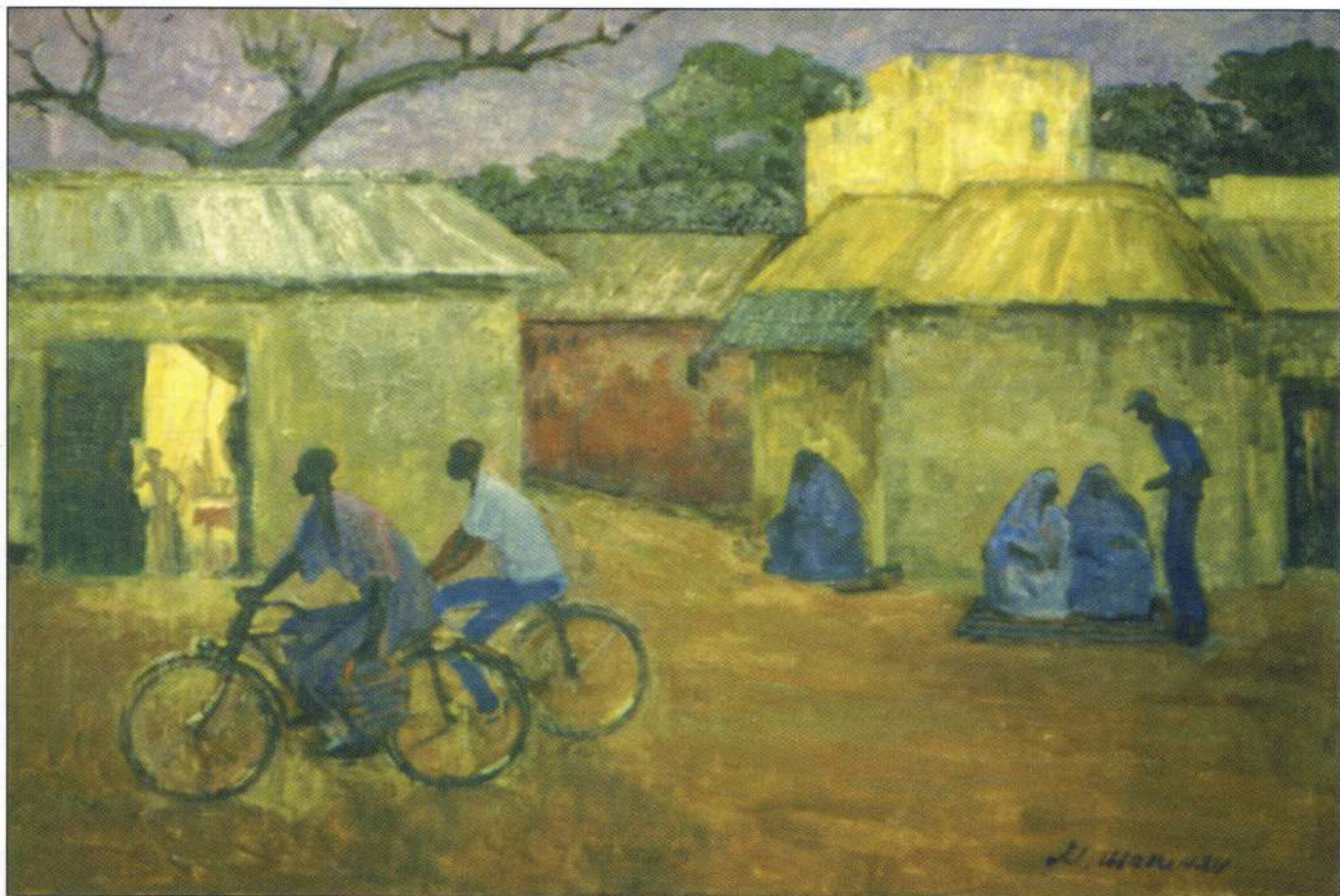
Когда я достаточно насмотрелась на танцующих, то решила осмотреть хижины. Внутреннее убранство было более чем скромным: звериные шкуры, очаг, иногда в хижинах стояли пустой ящик или канистра. Очаги нужны только для периода дождей. Обычно женщины готовят еду на воздухе: у одной из хижин варился обед в очень большой кастрюле, очевидно, варят сообща на несколько семей.

Из кастрюли торчала детская ручка, мне стало на минуту дурно, пока я не сообразила, что варится суп из обезьяны. Конечно же, не людоеды наши пигмеи, а очень мирные и милые. Почувствовав, что гости изнывают от жары, от мух и комаров, которые нас прямо съедали, несколько женщин вышли из круга танцующих и принесли в больших колебасах воду для питья. Пить мы не стали, а руки и ноги немного освежили, вода была прохладная и прозрачная, но из какого водоема ее взяли, мы не видели. Я подержала на руках маленького ребенка. Крохотный, чистенький, он хорошо держал головку, но было ему несколько месяцев или уже год, узнать не удалось.

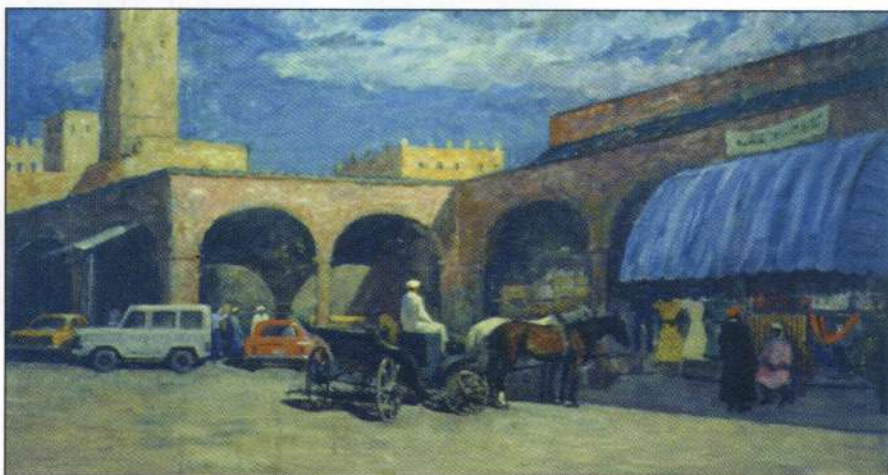
А танец все продолжался, становился все более темпераментным, и, когда он стал переходить в любовные игры, мы решили, что пора оставить наших хозяев одних. Попрощавшись со старостой, который нам всем по очереди потряс руку и поблагодарил каждого за подарок, — так, во всяком случае, нам перевели наши переводчики — мы гуськом по узкой тропинке пошли к автобусу.

Считается, что пигмеи лучше всех других племен приспособились к жизни в лесах. Отсюда их репутация самых лучших охотников, самых лучших знатоков джунглей. То, что пигмеи низкорослые, вызывает нездоровое любопытство, но не этим чисто внешним отличием пигмеев от других африканских племен объяснялся наш интерес. У нас было чувство, что мы заглянули вглубь веков и увидели подлинную первозданную Африку и ее первых обитателей...

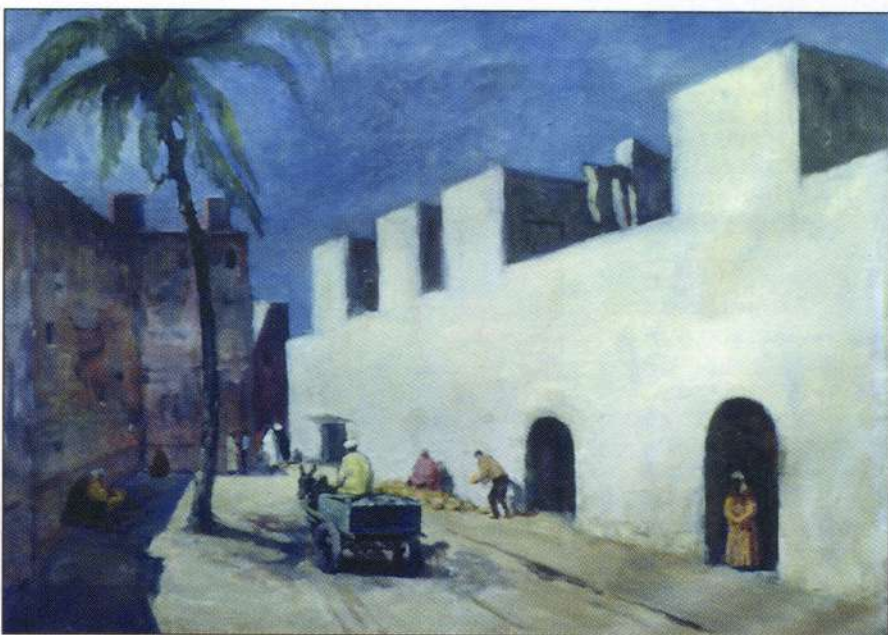
(Окончание следует.)

*Вечер в городе Бамако. Мали.
1968 г.*

*Старая часть города Марракеша.
Марокко. 1997 г.*

*Район города Марракеша —
Медина. 1997 г.*

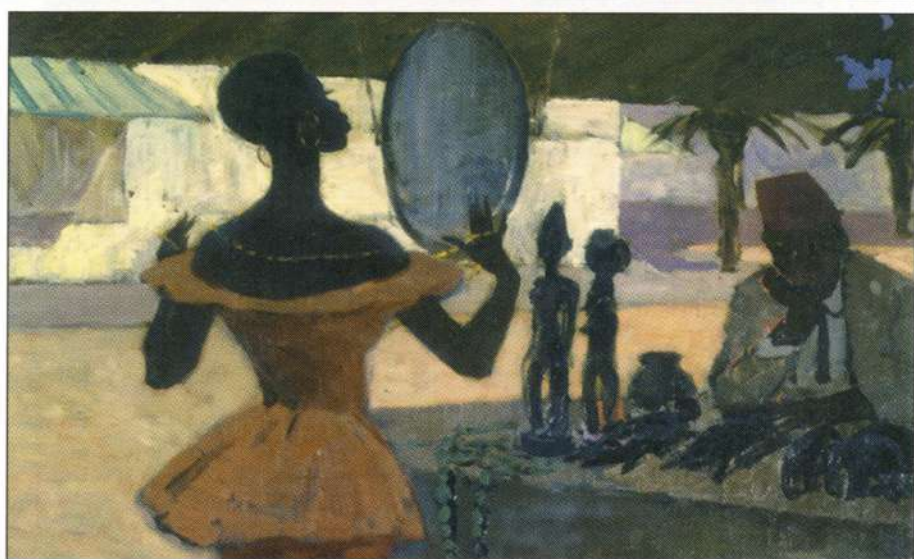
«МОЯ АФРИКА»

(См. стр. 106.)

В каждую поездку художница Мирэль Яковлевна Шагиняна брала этюдник. И привозила из Африки очень много работ, написанных с натуры. Они стали своеобразным живописным дневником, в котором показана обыденная жизнь по-своему неповторимых стран.

*Рынок у океана. Гвинея.
1976 г.*

Модница. Гана. 1985 г.

*Атласские горы. Праздник
невест. Марокко. 1997 г.*

Мирэль ШАГИНЯН.

... Восточная Африка встретила нас моросящим осенним дождем. На Кенийском аэродроме Эмбакаси встречающие стояли в теплых свитерах, в плащах, укутанные шарфами. Наши легкие платья, в которых мы летели в Африку, выглядели нелепо.

Пока ехали от аэродрома в Найроби, дождь не переставал и из окон машины разглядеть ничего не удалось. В отеле топились камин, мы попали в диккенсовскую Англию, а не в Африку Южного полушария (Кения на градус — полградуса южнее экватора).

На следующее утро нам предстояло посещение Национального парка Найроби. Дождь за ночь не перестал. Мы кое-как утеплились и с нетерпением ждали, когда за нами заедут. Но тут — огорчение. За несколько дней до нашего приезда в Найроби английский фермер убил двух львов, которые напали на его стадо. Событие очень взбудоражило город. О нем писали все газеты. Население столицы было так возмущено, что придумывало самые суровые меры наказания для фермера, вплоть до лишения его гражданства и высылки из Кении. Ведь теперь львы могли уйти из заповедника.

Нам сочувствовали, наивно считая, что только желание посмотреть царя зверей вблизи заставило нас проделать такой длинный путь от Москвы до Кении.

Но нам был интересен заповедник даже и без львов. Окна маленького автобуса, поданного к гостинице, оказались зарешеченными. Получалось, что мы в клетке, а звери на воле.

Национальный парк Найроби располагался на окраине города. Арка у въезда, через который надо проехать, предварительно заплатив за посещение заповедника, служит его границей.

На коленях нашего шофера разложена карта: сеть дорог заповедника, водоемы с условными фигурками зверей и точное время, когда и в каком месте их можно застать.

Полоса невезения кончилась. Дождь прошел, выглянуло солнце, а самое главное — как только мы углубились в саванну, около группы зонтичных акаций увидели симбу — львицу, которая грелась на солнце, катаясь по еще влажной земле. Никакого внимания на автобус она не обращала, хотя мы остановились примерно в трех метрах от нее.

Рядом на пригорке замечаем еще двух львов. Подъезжаем ближе — то же равно-

душие: львы зевают, обмахиваются хвостами, лениво переваливаются с боку на бок.

Зато мы все очень возбуждены, щелкаем фотоаппаратами, загипнотизированные львами, а они сонно-грациозно вытягивают лапы, поворачиваются на спину, жмурятся, зевают. Я без фотоаппарата — так и не овладела этой премудростью — стараюсь все запомнить. Вот вплотную к нашему автобусу подъехала крохотная машина, за рулем — молодая англичанка, рядом сидит маленький мальчик, на заднем сиденье в корзинке лежит грудной ребенок с соской во рту, а в нескольких метрах от них — львы. Это, вероятно, тоже контрасты Африки.

Едем по саванне дальше: пасутся стада антилоп. Четким силуэтом на золотом фоне «слоновой» травы «позируют» жирафы, около небольшой лужицы столпились зебры.

Очень нахально ведут себя обезьяны. Они не убегают с дороги, когда им сигналият машины, а стоит притормозить, как тут же вскакивают на капот, заглядывают в окна, гримасничают. Из всех увиденных здесь животных пугливыми оказались только антилопы-импала и газели.

На саванну опускаются сумерки. Зонтичные акации из зеленых становятся черными, красная дорога лиловет, пора возвращаться. И как заключительный аккорд — впереди, прямо по дороге медленно вышагивает большая беременная львица. Ее тяжелый живот с набухшими сосками почти касается земли, но шум машины ее не спугнул. Мы еле-еле двигаемся за нею, хвост чуть ли не у бампера, но она не уступает дорогу и сворачивает, только увидев уютную ложбинку справа, на обочине, лениво, так и не оглянувшись.

На наше счастье, фермер, убив двух львов, всполошил больше город, чем заповедник.

По дороге из Национального парка в Найроби меня не покидало чувство, что я наконец соприкоснулась с подлинной Африкой, той, хрестоматийной, из детства: увидела африканских зверей на воле, а не в зоопарке.

Столица Кении — Найроби. Городу, разбросанному на зеленых холмах, нет еще и ста лет.

Найроби на языке массаев — «холодная вода». По легенде, когда в безводной Кении англичане прокладывали железную дорогу от Индийского океана вглубь страны, через непроходимые джунгли, сухие саван-

Продолжение. Начало см. «Наука и жизнь» № 10, 1998 г.

ны, где бродили непуганные звери, им попался источник. «Найроби!» — воскликнул умирающий от жажды массай. На этом месте и вырос город.

Не знаю, насколько правдиво это предание, но ручей дожил до наших дней. Вокруг него разбит прекрасный парк. Замечательные художники-декораторы постарались придать ему первозданный вид. Ручей окружают черные камни, дикорастущие заросли, группы цветущих сиреневыми гроздьями могучих джакорандов, пирамидальные кипарисы, эвкалипты, ливанские кедры. Молодые саженцы завезли сюда с разных континентов. А впечатление создается, что огромные роскошные деревья стояли тут испокон веков.

Город с широкими улицами, богатыми особняками, с зелеными газонами раскинулся по холмам вокруг парка. И климат здесь великолепный. Недаром англичане облюбовали Кению. Да и не только англичане живут в городе: из трехсот пятнадцати тысяч жителей (так было в 1964 году) двадцать пять тысяч европейцев, сто сорок тысяч индийцев.

Африканские кварталы расположены на окраинах.

Город выстроен как бы кругами. Центр с официальными многоэтажными зданиями опоясывают торговые кварталы. Тут властвуют индийцы, вся торговля в их руках. Следующий пояс — виллы богатых европейцев. Каждая стоит, как правило, в саду. В этом же поясе — отели для туристов. И самое последнее кольцо — африканские кварталы. Хижин и развалюх в Найроби не найдешь, даже на самых бедных африканских улицах — добротные выстроенные чистенькие дома.

Дальнейший путь, уже на машине, — вглубь страны, к Великому Разлому. Для меня это пустой звук, а вот наши географы очень взволнованы. Они не могут больше ни о чем говорить, их раздражает наше спокойствие, они не понимают, почему при словах «Великий Разлом» выражение наших лиц не меняется.

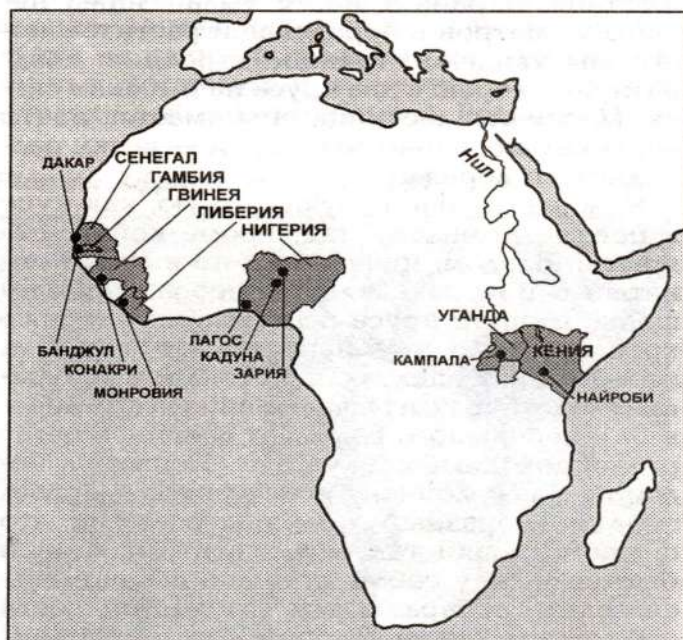
Дорога все время поднимается вверх. Мы едем вдоль отвесной пропасти в густом тумане. Встречные машины с зажженными фарами еле видны, но как только мы достигли перевала Мимуру, туман рассеивается, небо синее и нашему взору открывается Великий Разлом (Рифт-Валли). В переводе «рифт» — трещина, «валли» — долина, — объясняет географ Забелин. Значит, мы спускаемся в «долину-трещину». Чем же она так знаменита и почему названа Великой? Чем переписывать своими словами, приведу цитату из книги того же Забелина «Лунные горы»: «Так вот, суть дела в том, что во все времена, в геологическом смысле сравнительно недавние (я не буду уточнять геологический период), сводовые поднятия в Восточной

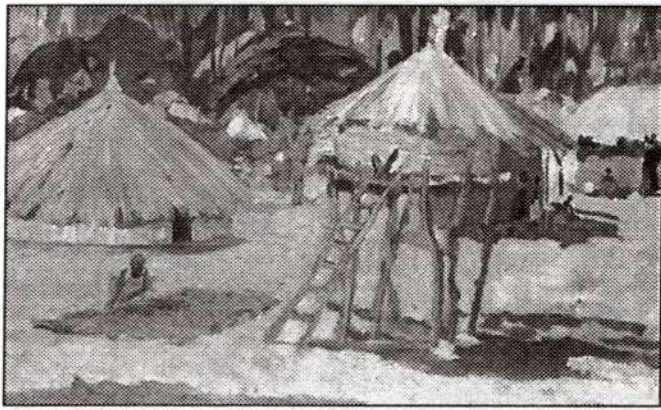
Африке рухнули, образовав огромные провалы в земной коре...»

Моя соседка, Людмила Михайловна, географ, даже заплакала. Я вполне понимаю ее чувства: впервые увидев роспись Микеланджело в Капелле Медичей, тоже разревелась. И теперь ощущаю всю торжественность минуты — мы прикоснулись к чуду природы. А если просто описать увиденное, это — обрыв, круто спускается вниз дорога, по обеим сторонам которой растут колючки и какие-то ползущие растения. На дне Валли сразу стало тепло, мимо окон замелькали возделанные поля, банановые и кофейные плантации. На пастбищах мирно пасутся коровы, зебры и антилопы. Дополняют пейзаж высоченные молочаи, очень похожие на кактусы.

Спускаемся еще ниже, к озеру Накуру — озеру, находящемуся на самом дне Великого Разлома. Гладь воды розовая. Только подойдя вплотную к зарослям камыша, окаймлявшего озеро, понимаю почему — вся поверхность покрыта розовыми перьями фламинго. Отсюда и необычность его цве-

Штриховкой отмечены страны, в которых побывала с выставками Мирэль Шагинян.

Хижины на сваях. Бенин. 1970 год. Здесь и далее — путевые зарисовки Мирэль Шагинян.

та. По воде бродят аисты, пеликаны, ибисы, но озеро славится именно розовыми фламинго. Их здесь больше всего.

А шоссе наше петляет дальше. Проезжаем деревни с круглыми хижинами, цепочкой идут массайки, все они бритоголовые, мочки ушей вытянуты до плеч, в них проделаны дырки размером с наши баранки, иногда в отверстие вставлено украшение, иногда просто палочки. А у мужчин прорезаны не только мочки ушей, но и верхняя часть ушной раковины.

Вечером следующего дня дается команда оставить все вещи в отеле. Нам уготовано что-то из ряда вон выходящее. Ночь мы проведем на деревьях.

Вскоре за нами заехали на специальном автобусе, которые курсируют по территории Абердэрского национального парка, куда разрешается въезжать только по специальным пропускам. Заказывать их надо за несколько месяцев.

Места в шести маленьких автобусах все заняты, нас пересчитывают, и караван трогается в путь. Проехали шлагбаум, кончилась обычная дорога, и мы нырнули в густые джунгли. Автобусы еле продираются сквозь заросли. Наконец, остановка.

Высадив всех пассажиров перед поваленным поперек узкой тропы деревом, шоферы передают нас егерю с двухстволкой в руках. Пропустив всех вперед, он замыкает шествие, охраняет нас с тыла. Через несколько метров в поредевшей растительности мы увидели странное строение: квадратную галерею в два яруса на высоких сваях. Наружная лестница поднимается почти вертикально, в центре галереи — ветки раскидистого дерева.

Каждый из нас получил узкую, как купе в поезде, комнатку, где, кроме койки, покрытой пледом, ничего нет, но в свои комнаты мы и не заходили. На небольшой площадке второго яруса расставлены удобные кресла. Тут-то нам и предстоит провести ночь, так как спектакль, который мы должны увидеть, разыгрывался внизу, под деревом у небольшого соленого озера, в центре непроходимых джунглей. Ночью на водопой и к солончаку собираются звери. А этот своеобразный отель построен так, что с любой точки галереи все видно. Звери бьются между собой за право полакомиться солью, побарахтаться в луже, привести свое потомство на водопой. Люди могут все

это наблюдать, но нас предупреждают, что нельзя громко разговаривать, курить, вообще нельзя выдавать своего присутствия.

Еще не стемнело. Около кресел накрыли столы. Официанты приносят чайники, расставляют чашки, раскладывают кексы и печенье. Но мы не успеваем взять чашки в руки, как несколько больших обезьян-бабуинов, с вытянутыми собачьими мордами, ловко опустошают стол и, не обращая на нас ни малейшего внимания, рассевшись на парапетах галереи, с завидным аппетитом поедают предназначенные для нас сладости. Мамаи кормят своих малышей совсем как человеческие мамы; крупный самец с хитрыми маленькими глазками старается отнять у своей соседки большой кусок кекса. Но это ему не удается. Обезьяна спрыгивает с парапета и садится на спинку кресла, как будто ищет защиты у человека. Нахальные, веселые, они совсем не боятся людей. Правда, официанта-африканца побаиваются и затихают, когда он поднимается по лестнице. А стоит ему уйти — опять принимаются озорничать.

Вдруг всех обезьян как ветром сдуло. Из джунглей, покачивая длинным хоботом, важно выступил слон. Остановившись в центре лужи, он замер, как будто к чему-то прислушиваясь. И действительно, тут же раздался топот тяжелых ног, и из черных кустов к озеру гуськом вышли слоны: взрослые крупные самцы, чуть помоложе, с короткими бивнями, и совсем маленькие, которые жались к мамашам. Я забыла сказать, что озеро было подсвечено неярким прожектором, как бы имитирующим лунный свет. Слоны были странно темно-красного цвета. Я не сразу сообразила, что это цвет глины, которой они себя обсыпают.

Молодняк играл и толкался, семейные слоны с детьми держались обособленно, кормили друг друга. Отец семейства хоботом протягивал жене и детям кусочки соленой земли, иногда прямо запикивая хобот в их пасти. Были и влюбленные пары, которые стояли, «обнявшись» хоботами, не видя ничего вокруг. Но вот из кустов вышел буйвол — крупный черный буйвол с разлапистыми широкими рогами. Очень опасный, агрессивный и хитрый зверь. И слоны начали расходиться, уступая ему место. Остался только один большой слон, он как будто спал стоя, хобот у него безвольно повис. Буйволы, не замечая его, лакомились солью, отталкивая друг друга своими страшными рогами, но слона не задевали, а тот стоял как скульптура, сделанная из красного гранита. Буйволы сменили носороги. Все шло как по программе, рассчитанной на то, чтоб мы за ночь могли увидеть всех обитателей джунглей. Становится прохладно, мы кутаемся в пледы, но не идти же спать, когда всю ночь ожидается смена актеров.

Позабавила нас дуэль двух носорогов из-за самочки, которая скромно стояла в стороне, пока два самца бились не на жизнь, а на смерть. Они то приближались друг к дру-

гу, то отскакивали в разные стороны, издавая тоненький визгливый звук, который так не вязался с их могучим грозным видом. Победитель увел даму в чащу, а побежденный долго оставался в одиночестве, пока его не спугнул маленький заяц, который выбежал из лесу. Не почуяв опасности, спугнул могучего зверя, и тот шарахнулся в кусты.

Гордость владельцев отеля — на стене в рамке красного дерева, как мемориальная доска, сообщение, что королева английская Елизавета II с супругом герцогом Эдинбургским посетили заповедник Тритопис. И еще подробность. Именно в ту ночь в Лондоне умер король Георг VI. Но Елизавета, оторванная от мира, узнала о том, что стала королевой, только на другой день.

Кампала — столица Уганды — производит очень сильное впечатление даже после красавца Найроби. Разбросанная на семи холмах, как Рим, о чем любят говорить угандийцы, она утопает в тропической зелени, из которой поднимаются двухэтажные белые дома, опоясанные верандами. Окна в светло-зеленых жалюзи. В городе поражает обилие причудливых индийских пагод.

Здесь нам предстояло побывать у истоков Белого Нила.

О том, где находится исток Нила, многие годы велись споры. Даже в тот день, когда мы стояли у памятника Спикку и читали надпись: «Джон Хеннинг Спик 28-го июля 1862 года первым открыл исток Нила с точки, отмеченной обелиском на противоположном берегу. Этот памятник стоит напротив того места, где были ныне затопленные водопады Рипона, названные так Спиком», — наши географы доказывали друг другу, исток это или верховье Нила. Но я верю надписи: мы находимся у истока великой реки.

Опять проезжаем шлагбаум и попадаем в заповедник. Стада слонов красного цвета, цвета африканской земли, высокая выжженная трава и черные, как обугленные, мертвые деревья. Деревья умирают тут по вине слонов, которые объедают кору. С точки зрения живописца очень необычно и красиво: пейзаж в три краски — черная, охра и красная охра; а по сути — это трагедия.

В сухопутной части заповедника Мёрчисон-Фолса слишком много слонов; гибнет лес, и самим слонам грозит голодная смерть. Нам рассказали, что скоро будут продаваться лицензии на отстрел могучих животных. Решено уничтожить три тысячи голов, чтобы спасти остальных.

У самого берега Нила мертвые деревья стоят в воде, на их голых ветвях — большие гнезда цапель. Мы садимся в катер, крытый брезентом. Кроме нас на катере — моторист и рулевой.

Плывем вверх по течению, в сторону водопада Мёрчисона. Катер с трудом огибают бегемотов, их в Ниле такое же множество, как слонов на суше. Когда катер подплывает к отмелям, на которых группами валяются бегемоты, они лениво плюхаются в воду. Видны только их блестящие, будто смазан-

ные жиром, спины. Крокодилы, как серые бревна, лежат вдоль берегов. Они совершенно неподвижны, только иногда разевают стронциево-желтые пасти, и маленькие птички выклеивают остатки пищи из их зубов. На крокодилах сидели и белые цапли. Они поедали насекомых и мух с их шкуры. Когда наш катер приближался к берегу вплотную, крокодилы медленно сползали в воду.

Впереди, над водопадом, сгустились тучи, хотя мы начали свое плавание в яркий, солнечный, безветренный день. Тропический ливень никого не пугал: было так жарко, что мы даже мечтали о нем.

Но на нас обрушился не ливень, а шквал, стремительный и бурный. Нил почернел, низкие облака закрыли берега, сразу словно бы наступили сумерки. Катер бросало из стороны в сторону.

Очень, конечно, эффектно — закончить жизнь в водах Нила, но почему-то эта перспектива не радовала. Не знаю, как всем остальным, а мне было страшно. Под нами шипела и пенилась река. Яркие молнии разрезали темное небо. Брезент от потоков воды не защищал. Он намок и провис, придавливая нас. Моторист подплыл к берегу и бросил якорь. Прошло полчаса. Буря наконец стихла, и мы плывем обратно. Головы гиппопотамов опять мелькают за бортом, а крокодилы заплывают на отмели и застывают бревнами. «Пережить белый шквал на Ниле! Какая удача!» — повторяют наши географы.

Я с ними согласна, но почему черная буря называется «белый шквал»?

Столица Либерии — город Монровия. Он мне напомнил спектакль «Порги и Бесс» Гершвина в исполнении американской группы, которая в конце пятидесятых годов гастролировала у нас в Союзе. Это не Африка. Это Америка. И жители не африканцы, а американцы. Костюм, речь, походка — все не похоже на африканцев. Город очень живописный, он располагается у лагуны, вернее, лагуна находится в самом городе. Жара — плюс 35 градусов, но мужчины в черных костюмах и женщины в чулках и туфлях на высоких каблуках. Редко-редко в

Ритмы Африки. Нигерия. 1976 год.

Продавица бананов. Гана. 1970 год.

толпе мелькнут деревенские жители в национальных одеждах, но их тут меньшинство. Все дни, проведенные в Монровии, меня не покидало чувство, что я участвую в каком-то спектакле, а не живу в реальном мире. И не удивительно, ведь Либерия — страна искусственная. Сначала из Африки в Соединенные Штаты работоторговцы вывезли африканцев, а потом переселили их обратно, в новое государство, названное Либерией.

Двести лет рабства вдали от родины не прошли для либерийцев даром. Они вернулись на свой континент другими, только цветом кожи похожие на соплеменников, которые не покидали своей страны. Но вот мы отъехали от Монровии всего на несколько миль. Нас обступила густая зелень каучуковых деревьев, куда не проглядывает солнце, и начали попадаться маленькие деревушки, где живут и тяжело трудятся люди племени баса, где сохранились ритуальные пляски, племенные знаки на лицах, где женщины носят тяжелые браслеты на ногах и ходят полуобнаженные — снова подлинная Африка. В таких деревнях нас встречали приветливые и веселые люди, да, веселые, хотя труд их на каучуковых плантациях очень нелегок. Вспоминая книгу Грэма Грина «Путешествие без карты», написанную в тридцатых годах, мне хочется процитировать ее концовку, момент расставания с Либерией: «Но что-то всех мучило, какая-

то пуповина привязывала всех к этому берегу. Это не значит, что я хотел бы остаться в Африке навсегда; меня не тянет к безумной чувственности, даже, если она там и есть. Но когда ты понял, какво было начало всех начал — его ужасы и его безмятежность, его силу и его нежность, — тебя еще больше мучает сожаление о том, что мы натворили с собой...»

Лучше не скажешь, когда из современной Монровии попадаешь в деревню, где сохранились традиции гостеприимства, где есть старая подлинная культура.

●
Гвинея. Конакри — большой город, очень зеленый. Набережная Конакри тянется несколько километров вдоль океана. Вдоль нее — пальмы, а немного отступя, огромные, ствол не обхватить, деревья, которые тут называют по-разному: то сейбой, то фраматом. Кроны у них часто сбрасывают листву, и тогда они стоят голые, как будто обугленные, с причудливыми ветками, но за несколько дней, как по волшебству, распускается ярко-зеленая листва. Одно такое дерево росло возле стен отеля, в котором я жила. Ветки его доходили до седьмого этажа. Они начинали расти как бы на самом вершине, а корни разветвлялись с середины дерева, образуя у основания сложную постройку, похожую на готический собор. В лабиринте корней ютятся собаки (их в Конакри уйма). Горожане к ним относятся очень ласково, их не бьют и не гонят, наоборот, я часто видела, как им приносят еду в их убежище. Цвет

корней серебристо-серый, темнеет кверху, и черный ствол на фоне неба выглядит обугленным. Когда я поселилась в отеле, дерево казалось мертвым, но за три недели оно сначала выпустило красновато-коричневые листочки, которые за один день вдруг стали большими и ярко-зелеными. Я сделала в разное время несколько этюдов, и все они отличаются один от другого. Пока дерево стояло без листвы, на его голых ветвях вечерами собирались грифы. Их хищные клювы и голая розовая шея всегда вызывают отвращение, хотя зловещие на вид птицы выполняют ту же роль, что гиены в Эфиопии. Грифы — своеобразные санитары.

Но в сиреневых сумерках черные ветки с сидящими на них черными, как будто наполовину ошипанными, птицами выглядят зловеще. Картина прямо из Гойи. Интересно, что, когда дерево зазеленело, птицы переселились на крыши соседних домов, словно все живое им отвратительно. Трудно себе представить Конакри без грифов. Стоит поднять глаза к небу, как ты упираешься взглядом в этих птиц, которые часами сидят неподвижно, как бы застыв перед броском. Они буквально завораживают: смотришь-смотришь, ждешь, когда грифы взлетят, а они остаются неподвижными, и почему-то — мурашки по коже, а все равно глаз отвести невозможно.

Побережье океана в городе каменистое, небольшие участки песчаных пляжей, и опять скалы, как черные руины, высовываются из серой пены прибоя. Рыбакам выводить пироги в океан здесь очень сложно, это настоящее искусство, смотреть страшно, как они ловко лавируют, огибая скалы.

Цвет скал и цвет пирог черный. Пирога распластана по горизонтали изящной тонкой линией, а скалы высовываются из воды, как органические трубы. Часто в пироге только один рыбак с одним веслом. Дух захватывает: вот-вот пирога разобьется о скалу, но ловкое движение весла — и опасность миновала. Пироги возвращаются к берегу. Улов не всегда оказывается большим. На дне совсем мало рыбы, а каждый выход в океан может стоить рыбаку жизни.

В Конакри, кроме обычного на берегу океана запаха йода, водорослей, рыбы, стоял еще и запах масляных пальм. Если можно так сказать, сам воздух был маслянистый. Помимо сейб-великанов в городе вдоль тротуаров растут манговые деревья. Зелень манго очень густая, листья глянцевиные, длинные. В их тени приятно спрятаться и отдохнуть от палящего солнца, хотя говорят, что это опасно из-за маленькой манговой змейки «минутки», одной из самых ядовитых змей Африки. А «минуткой» ее прозвали потому, что яд ее убивает в течение минуты. Не знаю, насколько это верно, но рассказы о малютках-змеях я слышала много раз, а все равно в тени манго всегда многолюдно. В сезон, когда плоды поспевают, дерево словно украшено елочными игрушками, каждый плод будто подвешен на длинной ниточке. Ярко-оранжевый грушевидный плод манго очень сочен. На вкус немного терпкий, чуть-чуть

пахнет хвоей. Дети срывают их прямо на улицах. Это не возбраняется.

В конце марта расцветает дерево пламенеющей акации, и тогда город весь одет в ярко-ярко-красный цвет. Живые изгороди особняков — в основном из бугенвиллии. Соцветья бугенвиллий бывают самые разные: от белых до темно-лиловых и от оранжевых до крапчато-красных. Небо над Конакри, днем выжженное от солнца, светло-серое, воздух такой влажный, будто это не воздух, а мельчайшие капельки воды, и ты этим дышишь. Сумерки очень короткие: только что было светло, потом все в один миг стало лимонным, и мгновенно наступает черная ночь с неправдоподобно большими звездами.

И город оживает. Днем он почти безлюден, ночью же все действие переносится на улицу. У водопроводных колонок купают детей. В очереди за водой у женщин самое веселое время — даже потанцевать успевают. Около домов на кострах готовят пищу. На главной улице гулянье, около кинотеатров оживление, за билетами всегда очереди. А пока стоишь в очереди, можно купить банан — он жарится тут же, на решетках, над небольшим костром, или арахис, уже лущенный и тоже поджаренный.

В городе несколько церквей современной архитектуры и старые католические соборы. Иногда их колокольный звон сливается с ударами тамтамов. Гвинейцы очень красивы, особенно молоденькие девушки, высокие и стройные. На головах пышные тюрбаны из цветного ситца, длинные юбки всегда тщательно выглажены, яркие кофточки ловко обтягивают красивую грудь и тонкую талию. Руки обнажены, плечи немного покаты, кисти рук и ступни ног почти у всех гвинеек безупречны.

Юноши тоже франты, даже если на них лямальные джинсы и простые сандалии. Рубахи всегда выстираны и накрахмалены. Гуляя, они держат друг друга за руку. На улице не услышишь бранного слова, не увидишь драки. Все приветливы, дружелюбны, улыбкивы. А уж если юноша идет за руку с девушкой, то он так нежен с ней, так ласков и внимателен, просто диву даешься, есть чему поучиться.

У стариков свои радости. Сидя возле домов на циновках, они играют в кости или ведут долгие беседы. Старики одеты в белые либо синие бубу. На головах маленькие вышитые шапочки или красные фески, не такие высокие, как в Северной Африке, размером поменьше.

Пожилые женщины тоже по-своему элегантны. Среди них часто бывают очень полные, но все равно их движения грациозны и пластичны. Украшают они себя бусами, браслетами, тяжелыми серьгами. Украшений значительно больше, чем на молодых девушках, вероятно, в этом есть своя логика — юность и так прекрасна, а вот даме в возрасте требуются дополнительные аксессуары.

Представьте себе такую картину. Небольшой одноэтажный домик, двери открыты настежь, если заглянуть в комнату, то увидишь, что на большой кровати рядом спят

*На берегу океана. Малави.
1968 год.*

они не могут, они в танце отдыхают. Вся усталость от тяжелой работы, накопленная за изнурительно жаркий день, выходит в танце, освежает, и иногда после такой бессонной ночи они гораздо бодрее на утро, словно выпалились в прохладе, а не двигались без остановки в бешеном ритме. Алкогольных напитков в Гвинее не пьют, а пьянеют от дробы тамтамов.

Но вот наступает утро. Переполненные автобусы, обклеенные яркими картинками, разрисованные цветочками, исписанные изречениями из Библии, развозят людей на работу. Двери и окна закрываются. Город пустеет, только на базарной площади шумит жизнь. Пешеходов на улице почти не видно. Город плавится во влажной жаре, солнце в зените, тень найти невозможно, ее нет.

Но, отъехав от Конакри на машине километров за 200, через город Маму по живописному склону плато Фута-Джаллон, попадаешь в прохладу. Вдыхаешь сухой горный воздух, пахнущий хвоей, таким не африканским запахом. Еще в самом начале пути, когда дорога постепенно начина-

ет подниматься в горы и пейзаж из выжженного охристого становится зеленым, а воздух все прохладнее и прозрачнее, останавливаемся у водопада. В Гвинее очень много водопадов, недаром ее называют водонапорной башней Африки. С круглой отвесной скалы в несколько десятков метров падает вода, разбивается о скалы в мелкие капельки, и не верится, что только два часа назад ты покинул изнывающий от жары город, где в это время на улицах невозможно находиться. А здесь — горный воздух и густая молодая зелень.

Поднимаемся все выше и выше, дорогу перед машиной перебегают семейство обезьян. Шофер сигналил: только что мы видели на шоссе труп обезьянки. Кто-то сбил беднягу. Обезьяньи детеныши путешествуют на спинах родителей. Иногда одна обезьяна несет на себе до трех крошек.

Первая наша ночевка — в Маму. Мы остановились в большом доме у губернатора, который пригласил нас отужинать. За столом царил атмосфера доброжелательности и радушия. Семейство было многочисленное: несколько женщин, не исключено, что все они жены губернатора, и человек восемь детей от грудных до десятилетних. Мы обменялись приветствиями, сели за длинный стол, и перед каждым из нас по-

ет подниматься все выше и выше, дорогу перед машиной перебегают семейство обезьян. Шофер сигналил: только что мы видели на шоссе труп обезьянки. Кто-то сбил беднягу. Обезьяньи детеныши путешествуют на спинах родителей. Иногда одна обезьяна несет на себе до трех крошек.

Первая наша ночевка — в Маму. Мы остановились в большом доме у губернатора, который пригласил нас отужинать. За столом царил атмосфера доброжелательности и радушия. Семейство было многочисленное: несколько женщин, не исключено, что все они жены губернатора, и человек восемь детей от грудных до десятилетних. Мы обменялись приветствиями, сели за длинный стол, и перед каждым из нас по-

ет подниматься все выше и выше, дорогу перед машиной перебегают семейство обезьян. Шофер сигналил: только что мы видели на шоссе труп обезьянки. Кто-то сбил беднягу. Обезьяньи детеныши путешествуют на спинах родителей. Иногда одна обезьяна несет на себе до трех крошек.

ставили тарелку с национальным блюдом кус-кус. Это было как бы началом. А потом пошло обычное застолье, когда наливают пиво и пододвигают разные блюда. Но вдруг все встали и начали разговаривать стоя, дети переходили из рук в руки, и атмосфера сразу сделалась знакомой, такой родной, как дома, в большой семье, когда детей отправляют спать. Но здесь детей никуда не уводили, а уложили тут же, на циновках. В комнате продолжали разговаривать, о чем-то спорить, что-то обсуждать, даже не понижая голоса. Разошлись за полночь. Мне досталась большая круглая комната с широкой постелью, с балдахинотом от комаров. Уснула я сразу — так устала.

Рано утром прошлась горбатыми улочками и оказалась возле школы. Стайки ребят бежали к школьному двору, где в середине, вокруг большой сейбы, их выстраивали, как у нас, на линейку. Забил церковный колокол, часы показали семь часов. Утро прохладное и прозрачное. Строгая высокая учительница в очках, в коротком белом платье что-то прочла по бумажке, дети парами разбрелись в разные стороны к барачным постройкам с большими окнами, вероятно, классам. Опоздавшие остались около сейбы. Расстелив бумажки, уселись на землю и, достав тетрадки и учебники, стали читать, в классы их после звонка не допустили.

В восемь часов мы уже были на консервном заводе. В 1963 году я видела, как этот завод начали строить с помощью наших специалистов. Теперь он работает на полную мощность. От запахов цитрусов и манго немного пьянеешь. Нам показали все процессы — от сортировки фруктов до наклейки этикеток на консервные банки. Работают там уже одни гвинейцы. Наши специалисты наладили производство, обучили местных мастеров и уехали, а русские выражения там еще можно услышать. На прощанье нам подарили ящик с соком манго и грейпфрута. Мы хотели было отказаться, но, увидев огорченные лица хозяев, тут же все приняли. В небольшой машине места для ящика не нашлось, пришлось запихивать банки в багажник. Вдруг рядом раздается голос: «Так не так, а перетактировать не будем». Невысокого роста, в рваных джинсах, улыбающийся паренек. Я спросила: «Вы говорите по-русски?» — «А как же. Несколько лет работал с русскими. Мы очень подружились, и я научился говорить на вашем языке». Да еще так колоритно.

Едем дальше в горы — в Гвинейскую Швейцарию, как тут называют Далаба. Все прохладнее и прохладнее. Горный пейзаж напоминает наш Кавказ, возможно, и Швейцарию, как говорят, но я там не была. Горы в соснах, ультрамариновое небо, и только обезьяны, которые все чаще и чаще снуют через шоссе, напоминают, что мы в Африке.

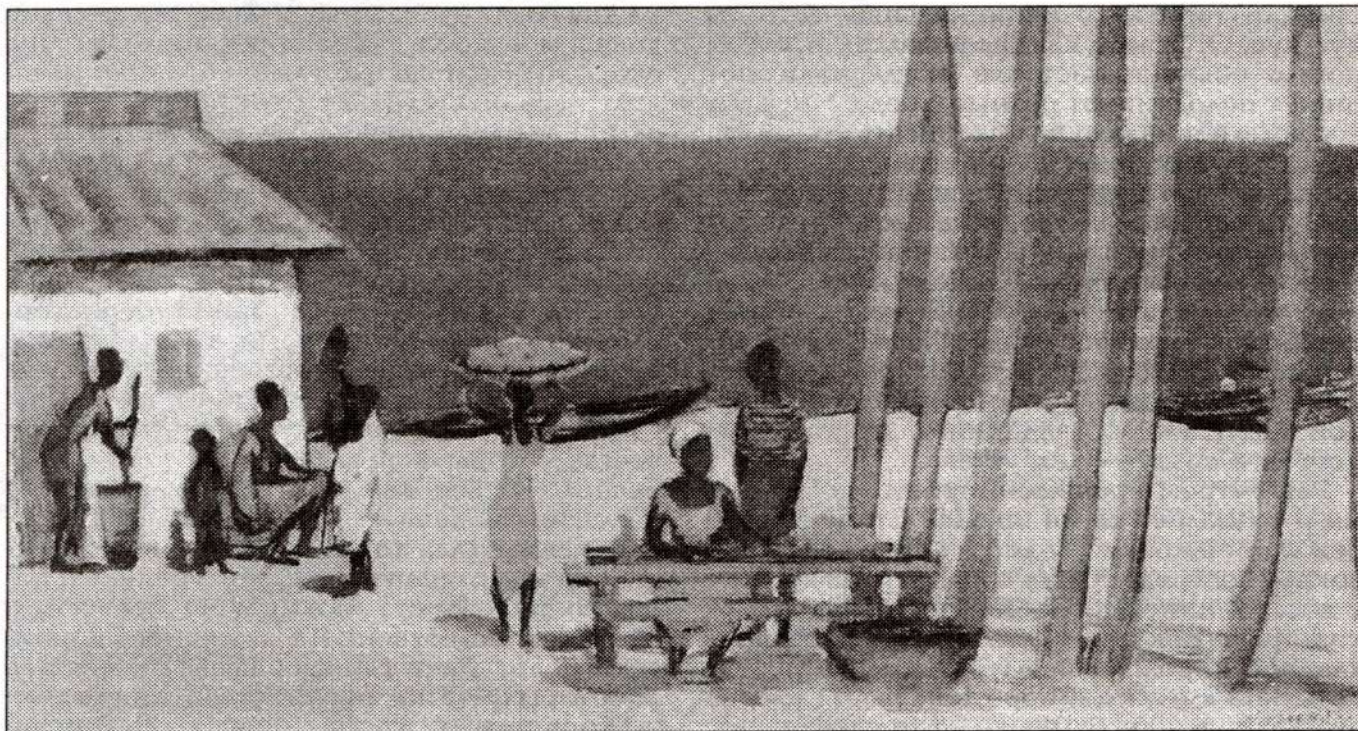
Дорога петляет, повороты такие, что мы чудом не сталкиваемся с машинами, которые с бешеной скоростью мчатся навстречу. Не оставившаяся, промчалась мимо перевернутого автобуса, еще одна машина вверх колесами осталась позади. Шоферы-афри-

канцы водят очень лихо, и такая мелочь, как упавшая в пропасть машина, не влияет на скорость. Наш шофер улыбается, поет веселую песню, а стрелка спидометра уже на самой высшей точке. Лучше смотреть на горы, на небо или зажмуриться и стать фаталистом, пока не доедешь до Далаба.

Хотя телефонная связь с городом нарушена и губернатор нас не встретил, все же нам предоставляют гостевую, как ее здесь называют, хазу, на территории губернаторской резиденции. Очевидно, в Далаба часто бывают иностранные гости, так как и пейзажем, и климатом этих мест гвинейцы очень гордятся, поэтому дома для гостей всегда готовы к приему, и не успели мы расположиться, как стол уже был накрыт.

Гостевая хаза — увеличенная африканская круглая хижина, крытая пальмовыми листьями, снаружи оштукатуренная и побеленная (обычно хижины не белятся, а остаются естественного глиняного цвета, только вот цвет глины бывает разный, в некоторых местах он охристый, иногда темно-коричневый, а иногда красный). Внутри хазы кроме большой центральной круглой комнаты несколько небольших комнат для ночлега гостей. Самое удивительное в хижине — потолок: сводчатый, весь декорированный цветными медальонами, сплетенными из разноцветных трав и пальмовых листьев. Так как купол хижины кончается, если смотреть снаружи, острым шпилем, то внутри все эти медальоны расположены спиралью, несимметрично, но продуманно, с удивительным ритмом. Если запрокинуть голову, начинает казаться, что рассматриваешь тонкое ручное кружево. Я решила, что такую хижину строили несколько лет, и строили много-много людей, и обязательно под руководством очень талантливого архитектора. Но мне сказали, что ее построил один человек, я бы этому ни за что не поверила, если бы не увидела своими глазами на следующий день, как действительно один человек на лесенке, сплетенной из лиан, уже под самым куполом заканчивал еще более сложный и причудливый узор в такой же хижине, как наша. Пол в хижине еще не успели настелить и снаружи не побелили, но потолок был уже почти закончен, и на наш вопрос: «Сколько времени он строит ее?» — переводчик ответил: «Очень долго, уже месяц». Прямо волшебство какое-то. Вероятно, ему ночами помогают духи. Вот так просто, без эскиза, без всяких чертежей, без помощников, один, уже не молодой, нигде не учившийся человек возводит архитектурное кружевное чудо.

Кстати, о духах. Ночью, выйдя в сад, окружавший нашу хижину, я почувствовала, что вокруг меня ходят, летают, просто стоят какие-то непонятные существа, которые не нарушают тишины ночи никакими звуками, только сверкают глазами. Сначала я подумала, что это летучие мыши, но оказалось, что это совы, маленькие, меньше наших. И было их множество. Тут они священны: поедают ядовитых змей и, действительно, как добрые духи, охра-

Дом рыбака. Гвинея. 1963 год.

няют ночной покой. Говорят, кричат они, когда появляется опасность, и своим криком предупреждают о ней. Наверное, нам ничего не угрожало, потому что крика я так и не услышала. Где прячутся они днем, где их гнезда, я не видела. Вероятно, в очень зеленой листве парка, переходящего в лес, такой густой и труднопроходимый, что когда днем я решила дойти до соседней деревни, которая находилась совсем недалеко — чуть выше в горах от нашего жилья, то изорвала платье о ветки, хотя шла по тропинке. Лианы сплетаются, и если их не обрубить (что делается очень часто, так как растут они быстро), то тропинка от деревни к деревне зарастает за несколько дней, а ведь по ней непрерывно ходят, гонят скот, даже на велосипедах ездят. Я покачалась на лиане, как на качелях. Она очень упругая, эластичная, и обломать ее рукой просто невозможно. Высокую сейбу обвивала лиана до самой макушки, как толстым канатом. Внизу лианы висят петлями, которые и служат прекрасными качелями. В порванном платье, вся в ссадинах, я наконец добралась до небольшой деревушки. Маленькая площадь, вероятно, вырубка, огорожена забором из пальмовых листьев, сплетенных как циновки. За забором — маленькие круглые хижины, крытые теми же пальмовыми листьями. Около каждой хижины за вторым забором, уже в лесу — а лес плотным кольцом окружал деревню — паслись козы и несколько маленьких африканских коров с горбом на спине — зебу. Все очень маленькое, как игрушечное: и хижины, и огородики, и скот, который пасли дети. В центре маленькой площади возились малыши. Все это выглядело игрушечным царством, где только деревья-великаны были не кукольными, а настоящими.

В деревне совсем не слышалось человеческих голосов, дети играли молча, лишь

позванивали колокольчики, привязанные к шеям коз и зебу, пели цикады, и еще шумел водопад. Ребятишки приветливы: здороваясь, обязательно протягивали ручки, а когда я пошла по тропинке обратно вниз, провожали меня стайкой почти до самого дома.

После плотного африканского обеда к нам пришли гости из города: две студентки сельскохозяйственного техникума в Конакри, проходившие здесь практику, и высокий молодой гвинеец, похожий на Пушкина, каким его написал Кипренский. С этого дня он стал нашим гидом в Делаба.

Студентки, веселые, смешливые, охотно мне позировали, правда, еще охотней фотографировались. Вместе мы выработали туристскую программу на два ближайших дня. У «молодого Пушкина» мы спросили, есть ли в городе ремесленники и где можно купить сувениры.

И вот мы в маленькой мастерской, где царственного вида старцы оплетают рукоятки кинжалов разноцветной кожей, а ножны украшают яркими бусами и длинной кожаной бахромой. Кинжал я, конечно, тут же купила — самый большой и самый нарядный, и весь дальнейший путь до дома боялась, что у меня его отберут как «холодное оружие», хотя он казался очень тупым, вряд ли им можно было даже оцарапаться. Правда, не все привезенные мною кинжалы из Африки выглядели столь безобидно. В пигмейской деревне, на границе Конго и Уганды, в лесах Итури, я купила кинжал не такой нарядный, совсем даже не разукрашенный, кованный пигмеями вручную, но острый, как бритва. Его я тоже благополучно привезла с собой в Москву, и эти кинжалы положили начало моей африканской коллекции всевозможных ножей.

В памяти о поездках по окрестностям Даламба остались не только горные перевалы и водопады, но и зеленые рисовые поля высоко в горах — да-да, рисовые. Мы при-

выкли видеть рисовые поля в болотистых низинах, а тут, на крутых склонах, — ярко-изумрудные квадраты редкого сорта горного риса, которым гвинейцы очень гордятся. Сорт этот считается одним из самых лучших и дает по два урожая в год. Обрабатывать поля высоко в горах чрезвычайно сложно, все вручную. Но тяжелый труд не пропадает даром. Провинция славится рисом на всю страну.

Когда же мы спустились с гор в глубокое ущелье, где ярким днем было темно как ночью, мы очутились в бамбуковом лесу, таком густом, что, как ни задирай голову, неба не увидишь, хотя кроны у бамбука нет. Земля сырая, не земля, а болото. Нас предупредили, что, здесь много змей и надо идти с палкой в руке, чтобы их разгонять. Нельзя сказать, что прогулка в таком лесу была приятной.

Кроме небольшой хижины лесника — никаких жилых строений на многие километры, дорога кончается, упираясь в бамбуковую стену, и впереди — темное страшное царство вертикальных палок, извивающихся змей, пиявок, жаб и других тварей. Скорей наверх, к солнцу, к жилью, к теплу!

Наконец-то мы вернулись в свою уже обжитую хижину, наскоро выпили чай с апельсинами, сорванными в двух шагах от двери, переоделись, вернее, утеплились, так как вечера в Делаба прохладные, и поехали в кино. Какой будет фильм, мы не знали, да и не в этом было дело. Хотелось увидеть, что за кинотеатр в маленьком городке, посмотреть и на публику. Тем не менее фильм оказался очень интересным. Английский, с великолепным актером Бартоком в главной роли, но сосредоточиться на нем мы не смогли: все, что нас окружало, было намного интересней происходящего на экране.

Здание кинотеатра, вернее, не здание, а длинный барак со сломанной дверью, осаждала ярко наряженная толпа женщин, детей, стариков. Нас, как гостей, провели без очереди и посадили на почетное место, на единственную несломанную скамью. Казалось, весь город и все окрестные деревни пришли на этот сеанс. Люди стояли, сидели на полу, на коленях друг у друга. Дети забирались почти на самый экран. Гул стоял такой, что ничего не было слышно. Бедный Лева Токмаков, мой спутник по поездке, не выносил запаха табака, а в зале висел густой сизый табачный дым, через который даже экран не проглядывал. Дышать было нечем. И все же мы не ушли из зрительного зала, потому что вряд ли в каком-нибудь роскошном кинотеатре на премьере знаменитого спектакля или фильма можно было бы увидеть таких замечательных и красивых зрителей. Ярко одетые женщины с золотыми и серебряными тюрбанами на головах, что, кстати, тоже лишало возможности что-нибудь разглядеть на экране. Старцы в отглаженных бубу, белых или голубых. Дети в праздничных костюмах. Рядом с нами на скамейке сидели две молоденькие красавицы. Одна — в ярко-оранжевом до пят платье. На голове у нее чуть ли не на метр возвышалась постройка из золотого с черным нейлона, похожая на огромный цветок орхидеи. Другая — вся в черном, про-

зрачном, воздушном, а на голове — ярко-красный платок, причудливо завязанный и по размерам не уступавший головному убору ее подружки. Девушки чинно сели, расправили складки платьев и взялись за руки. Но вскоре им на колени передали троих детей, которых уже некуда было распахивать: стулья и скамейки стояли впритык, а народ все прибывал и прибывал. Наши прелестные соседки очень беспокоились за свои наряды. У них на коленях уже сидели не трое малышек, а пятеро, но это еще не было концом уплотнения. Только нас, как гостей, не обременяли детьми, правда, тоже потеснили.

Погас свет, но фильм еще не начался, свет опять зажгли, и мы увидели, что наши соседки уже сами сидят на чьих-то коленях, а на их собственных разместились столько малышек, что я не смогла сразу сосчитать, сколько же их, но, ей-богу, не меньше семи.

Но как только начался фильм, в зале сразу наступила полная тишина, даже детей не было слышно. Только иногда, если показывали что-то смешное, в зале смеялись или мальчишки вскрикивали во время экранных драк, потом опять все затихало, и зрители опять сидели почти не дыша. Когда фильм кончился, никакой суеты не было, все долго еще сидели на местах, чтобы дожидаться своей очереди и выйти в одну низкую сломанную дверь, не толкаясь. Вспомнила наши просторные кинозалы и толпу по окончании сеанса, которая кидается в широко распахнутые двери, сметая все на своем пути.

В Конакри в организации выставки нам помогала не только администрация, но и студенты. Столько помощников, что все страхи о том, как мы справимся, тут же исчезли. И, действительно, в день вернисажа сверкали лампы, блестели полы, картины аккуратно развешаны, на постаментах расставлена скульптура, в вазах — цветы, висят флаги нашей страны и Гвинейской республики — все очень празднично. Огромный актов зал заполняется нарядной толпой. Тут и студенты, и преподаватели, и дипломатический корпус, и жители Конакри. О выставке сообщали по радио и оповещали в газете.

И, как во многих других городах, у наших зрителей в руках каталоги, отпечатанные на французском языке. Очень внимательно, очень подробно осматривают выставку, подолгу стоят у каждой картины, каждой скульптуры. Когда что-то приходится объяснить, то диву даешься, как все хотят докопаться до сути увиденного, объяснить по-своему произведение, иногда даже углубив содержание, наделив его каким-то своим смыслом. Даже если это просто натуральный этюд. Молодой студент фармацевтического факультета объяснил мне мою картину. На этюде был изображен продавец скульптуры, сидящий под сейбой. У продавца в руках — небольшая фигура, у его ног разложены маски, циновки и другие сувениры. Обычный натуральный этюд, который я написала несколько лет назад в Нигерии. Ставила я себе просто цветовые задачи, этюд не перерос в картину. Но как интересно и сказочно все выглядело в рассказе моего зрителя. Оказывается, главное действующее лицо — дере-

Мирэль ШАГИНЯН.

Сенегал тоже не менее любимая мною страна, где, кстати сказать, на карте помечена самая западная точка Африки. Столица Дакар — замечательный город, спокойный, добрый. Даже ночью можно бродить по улицам — никто тебя не обидит. И не только по центральным улицам, но и по узким переулкам африканских кварталов, вдоль океана, по опустевшему базару. Если и встретишь кого-нибудь, то услышишь приветливое «бон суар» — и броди дальше, хоть до утра.

Жила я в Дакаре в центре города в маленьком отеле, зажатом со всех сторон такими же крошечными отелями. Переулочек до того узенький, что машины пропускали одна другую, залезая на тротуары, почти въезжая в подъезды домов, а с балкона протяни руку — и снимешь белье, развешанное на балконе соседнего дома. Через три дня ориентировалась в этом африкано-европейском городе так легко, будто тут выросла.

Дакар отличается от таких городов, как Аккра, Лагос, Лусака, то есть чисто африканских городов, тем, что по нему ходят пешком, а не только ездят на машинах. В городе устроены тротуары, поэтому есть и гуляющая толпа, а машины не останавливаются, предлагая тебя отвезти, если ты не остановишь ее сама.

На набережной, у океана, можно сесть за столик в кафе, вынесенный на улицу. Все как в Европе. Ну, конечно же, дакарцы зовут свой город «маленьким Парижем», хотя он напоминает Париж так же, как и все остальные города в разных частях света, которые зовутся «маленькими Парижами». Стоит отъехать от Дакара на 20—30 километров, как попадаешь в рощи гигантских баобабов, которые тянутся вдоль кромки океана на многие километры. В бытность мою там, а это был декабрь—январь, баобабы стояли без листьев, воздев свои черные ветви-руки к ультрамариновому небу. В конце января на некоторых ветках начинали распускаться почки, а затем появились маленькие коричнево-красного цвета листья. Ствол баобаба не обхватят несколько человек. Стоит он на земле, как будто кем-то поставленный, а не выросший из земли, корней не видно, впечатление такое, что его можно переносить с места на место. Один баобаб — уже архитектурное чудо, а если их тысячи, то ты попадаешь в какой-то сказочный город, где тебя окружают фантастические постройки. Только огромные гнез-

да птиц на ветвях указывают на то, что это деревья.

Когда я еще была неопытным туристом, то любое дерево принимала за баобаб, могла спутать сейбу-великана с баобабом. Теперь мне это кажется смешным. Даже на большом расстоянии их сразу узнаешь. В разных странах Африки мне встречались баобабы, но только в Сенегале я попала в баобабовые рощи. Баобаб даже входит в герб Сенегала.

Стволы деревьев серо-серебряные, только ветки на фоне неба чернеют, ну прямо стальные конструкции, плод выдумки современного скульптора, а не создание матери-природы. Сквозь стальные стволы сверкает серебристый океан, почти сливаясь с ними по цвету, только белая кромка прибора выделяет контуром силуэт ствола. У подножия этих гигантов пасутся стада зебу в высокой охристой траве, похожей на наш ковыль. А если подойти к океану, то на белом песке густым забором растут кактусы, так густо, что приблизиться к воде можно только в местах, где их вырубает. Кактусы очень коварны: не заметишь, как вся в колючках, которые и за месяц потом не вытащишь, даже вооружившись пинцетом.

А плоды кактуса, если умудишься их сорвать, в жару хорошо утоляют жажду. Увидев, как ими лакомятся сенегальские ребятишки, я тоже решила их попробовать. Красная сочная мякоть оказалась необыкновенно вкусной, чем-то напоминает инжир, только не такая сладкая.

За кактусовой полоской пляжа (а в прибор и этой узкой полосы нет) в глубоких лужах после отлива остается много рыбы. Во второй половине дня на пляж выходят старики и дети и набирают ее в корзины прямо руками. Не надо плыть в море на пирогах, не надо рисковать — стой по колено в воде и выбирай добычу, правда, не крупную, но вполне съедобную. Я как-то видела, как за несколько минут два мальчика лет по шести набрали довольно большую корзину.

Банжула — столица Гамбии — большая деревня с двухэтажными домами, зеленая и чистенькая. Весь город — две улицы, а пляж океана — царство туристов из скандинавских стран. Почему-то этот богом забытый, такой прекрасный уголок облюбовали именно шведы и датчане. У причала стоит несколько теплоходов с датскими, шведскими

Окончание. Начало см. «Наука и жизнь» №№ 10, 11, 1998 г.

и финскими флагами. Они кажутся гигантскими, поскольку все вокруг такое миниатюрное. Приплыли, высадили туристов и ждут конца рождественских каникул, чтобы забрать пассажиров и увезти их из тепла тропиков обратно в снежные страны, в суровую зиму. Но зато за рождественские каникулы северяне получают от солнечной Африки все радости.

Ступили на гамбийскую землю, скинули европейскую одежду, да-да, скинули совсем, потому что эта курортная страна не строгих нравов, и нигде себя так вольно не чувствуют туристы, как в Гамбии. Я впервые увидела нудистов на городском пляже, это было естественно: пляж, прибой, голые люди купаются, загорают, и это не режет глаз. Но когда за столиками кафе — правда, вынесенными на пляж — под навесом из пальмовых листьев расположилась семья: папа, мама, двое детей — даже без набедренных повязок, а обслуживает их статный гамбиец в черном костюме и белоснежной рубашке, — это уже шокирует. Ходят местные женщины в закрытых национальных платьях, а белые женщины нежатся на солнце, только очки темные на глазах, и больше ничего нет.

К виду обнаженного тела африканцев привыкаешь, вернее, не привыкаешь, а принимаешь это как должное: кажется вполне естественным видеть женщин с открытой грудью или мужчин, работающих на полях без набедренных повязок, — это традиционно для Африки. А вот к белым телам среди строго одетых аборигенов привыкнуть

трудно. Но бюджет маленькой Гамбии строится на доходах с чужеземных туристов, и одеты они или раздеты — здесь на это не обращают внимания.

Наш небольшой коллектив — четверо человек, приехавших в Гамбию на рождество из Дакара, пережил забавное приключение. В рождественский день мы решили осмотреть окрестности Банжула и, когда жара немного спала, поехали вдоль океана сначала по грунтовой дороге, а потом и по бездорожью через лес, миновали несколько небольших деревень, свернули к океану и завязли в сухом, как манная крупа, песке. До города далеко, до деревни тоже несколько километров. Пока мы пытались столкнуть машину, подкладывали кору пальм под колеса, поливали песок водой, нося ее в целлофановых пакетах метров за триста, начало смеркаться. Докурена последняя сигарета, почему-то все почувствовали острый голод, стало страшновато. Вздрагиваем, шарахаемся от каждого шороха, положение безвыходное, придется ночевать, а ночи прохладные. Нам очень неудобно. Вдруг, на наше счастье, на берегу показалась группа людей — запоздалые туристы возвращались с купанья в свой отель, как потом оказалось, расположенный совсем недалеко от нас. Они охотно помогли и без труда вытолкали машину на твердый грунт. Это были шведы, инженеры.

Семья рыбака. Гвинея. 1964 г. (Здесь и далее рисунки М. Шагинян.)

Они рассказали, что последние годы каждое Рождество проводят в Гамбии и что это — самое прекрасное место на земном шаре.

Спасители держались свободно, непринужденно, совершенно не замечая нашего слегка ошалелого вида. А мы, разговаривая с ними, старались не отводить глаз и делали вид, что все совершенно нормально. Дело в том, что костюм статных, златокудрых бородачей состоял только из полотенец, завязанных чалмою на головах. Никаких попыток прикрыть свою наготу с помощью этих самых полотенец они не предпринимали, и через несколько минут мы сами стали испытывать неловкость за городской наряд: юбки, блузки, брюки и прочие ненужные предметы.

Всю обратную дорогу мы проспорили о нудизме. Приехать из цивилизованной страны в тихий глухой уголок, еле заметный на карте, и, сбросив с себя все городское, слиться с природой — конечно, прекрасно. Но ведь есть же какие-то вековые условности, нужно ли их переступить и меньше ли соприкоснешься с природой, если на тебе будет купальный костюм? На этот вопрос ответа мы не нашли. Я была старше своих спутников почти вдвое и, вспомнив детство, рассказала им, что когда-то в Коктебеле, на берегу Черного моря, все купались и бродили по пляжу голышом (слова «нудист» тогда не знали). Это считалось естественным, никто не обращал на купальщиков внимания, даже местные деревенские жители не осуждали странных курортников. Вероятно, поэтому в Африке меня меньше поразили нудисты, чем моих молодых спутников.

Кроме всех волнений, связанных с открытием выставки, меня очень беспокоил вопрос, в каком костюме я буду на вернисаже. Вопрос отнюдь не праздный. Дело в том, что в остальных африканских странах открытие выставки намечалось на вторую половину дня, по протоколу я должна быть одета (а меня там называли «мадам директор») в длинное платье, но вот в Дакаре открытие назначили на час дня, а соответствующего костюма для этого времени у меня не оказалось.

Я металась по магазинам, но ничего подходящего найти не смогла и в отчаянии, за день до открытия, зашла в маленькую портновскую мастерскую рядом с гостиницей. В мастерской сидели два человека. Седобородый старик-портной в бубу строчил на швейной машинке точно такое же бубу. Вероятно, он выполнял еще и обязанность манекенщика, потому что его бубу было слишком нарядным для буднего дня: все расшитое золотом, оно должно было заманить заказчиков своим великолепием. Второй портной, мальчик лет 14—15, в красной шапочке с помпоном, на шее сантиметр, на руках подшивал джинсы. Шил он очень старательно, высунув кончик розового языка. Вот к нему-то я и обратилась, пролепетав что-то на непонятном не только ему, но и мне самой «среднеевропейском языке», то есть одно слово — по-французски, два — по-немецки. Закончила фразу на чисто рус-

ском языке и, протянув ему сверток с материей, жестом объяснила, что мне от него нужно, а когда — написала на клочке газеты: завтра — в восемь утра. На что я рассчитывала, сама не знаю. Мальчик все-таки что-то понял из моего невнятного лепета, так как взял сантиметр, клочок бумаги, измерил меня, аккуратно все записал, кивнул головой и опять, высунув язык, стал подшивать джинсы.

Почему-то успокоившись, пошла к себе в гостиницу и без страха и сновидений проспала ночь, а утром направилась в «ателье». На гвозде, прибитом к косяку двери, висел на плечиках мой наряд в совершенно готовом виде, и прохожие могли им любоваться. Примерить его прямо в переулке я, конечно, не могла, поэтому, расплатившись, побежала скорее в гостиницу, но уже знала, что мальчик меня не подвел и все будет чудесно.

Портным в Африке можно посвятить целую главу. Во всех странах, где я побывала, меня всегда поражало их обилие. Швейные машины стоят не только в маленьких лавочках или под навесом, но вынесены прямо на улицу. Портные, а не портнихи (я ни разу не видела женщину за этой работой) строчат длинные национальные платья, шьют платья европейского покроя, вышивают, кроют. Ряды таких мастерских располагаются у рыночной площади и на торговых улицах и даже вдоль набережных, если города стоят у океана. Как я убедилась, шьют быстро, выполняют заказы в срок. Я всегда любовалась одеждой африканцев, поражалась их врожденному вкусу, умению носить костюм, будь то национальный или европейский, но никогда раньше не задумывалась, почему на них все так ловко сидит? Теперь на своем опыте узнала, что шьют так лихо совсем не модные портные, а любые уличные — умеют это сделать не только профессионально, но и изысканно. Кто научил пятнадцатилетнего мальчика так вшить рукав, так профессионально скроить платье, так аккуратно все отделать?! Когда видишь, как ловко африканцы вырезают деревянную скульптуру, — это не удивляет, ведь традиции уходят вглубь веков. Из поколения в поколение передается мастерам умение увидеть в куске дерева причудливого зверя или маску колдуна. Раньше у каждой хижины обязательно стоял свой фетиш, ни один ритуальный танец не обходился без маски, домашняя утварь всегда была декорирована хотя и нехитрым, но орнаментом. Все логично — от отца к сыну передавалось мастерство, руки с детства приучены к резьбе.

Но шить-то начали недавно, ведь раньше костюм африканца состоял только из набедренной повязки или куска шкуры дикого животного?! И до чего умело они освоили новое мастерство!

Однажды уже в другой стране, в Нигерии, недалеко от университетского города Ибадана мы осматривали доминиканский

монастырь, где монахи зарабатывали себе на жизнь не только земледелием, но и шитьем, вышивкой. Тут же при монастыре находилась маленькая лавочка, где туристы могли купить расшитое платье и вышитую мужскую рубашу, которую в Нигерии носит как местное население, так и иностранцы.

Хлопчатобумажную ткань монахи красят сами, кроят прямо на земле, на пороге своих келий. Если вышивка машинная, наряд стоит недорого. Но монахи вышивают и вручную — это уже намного дороже, зато рисунок вышивки неповторим и не такой сухой и аккуратный, как машинный. Вышивают шапки золотыми и серебряными нитками, яркие цвета редко вводятся.

Рядом с кельями, на кольях, вбитых в землю, монахи вывешивают готовые платья. Туристы быстро их раскупают. Иногда надо подождать, пока платье будет закончено. Следить за работой монахов — очень увлекательное занятие. Во время работы они поют или высвистывают какой-нибудь модный мотив, совсем не божественный, а весьма игривый.

С ними можно поторговаться, вернее, не можно, а нужно, этот ритуал — такое же развлечение, как на базарах. Торгуются шумно, увлеченно, как миряне, весело, с прибаутками. Примерять платье разрешают в своих кельях, жаль только, что зеркала у них, как правило, нет и света маловато.

Заодно и келью можно внимательно осмотреть. Одна узкая кровать, покрытая серым одеялом, узкое окошко, чисто вымытые каменные полы. Пучки душистых трав подвешены к потолку. Маленький столик, на котором, кроме швейной машинки, ничего не стоит.

Монастырь расположен высоко в горах, вероятно, ночи тут очень холодные, но следов очага в келье я не заметила, правда, есть электричество, может быть, у монахов имеются обогреватели?

К туристам они привыкли, охотно вступают в беседу, а иногда и сигаретку «стрельнут», хитро подмигнув глазом.

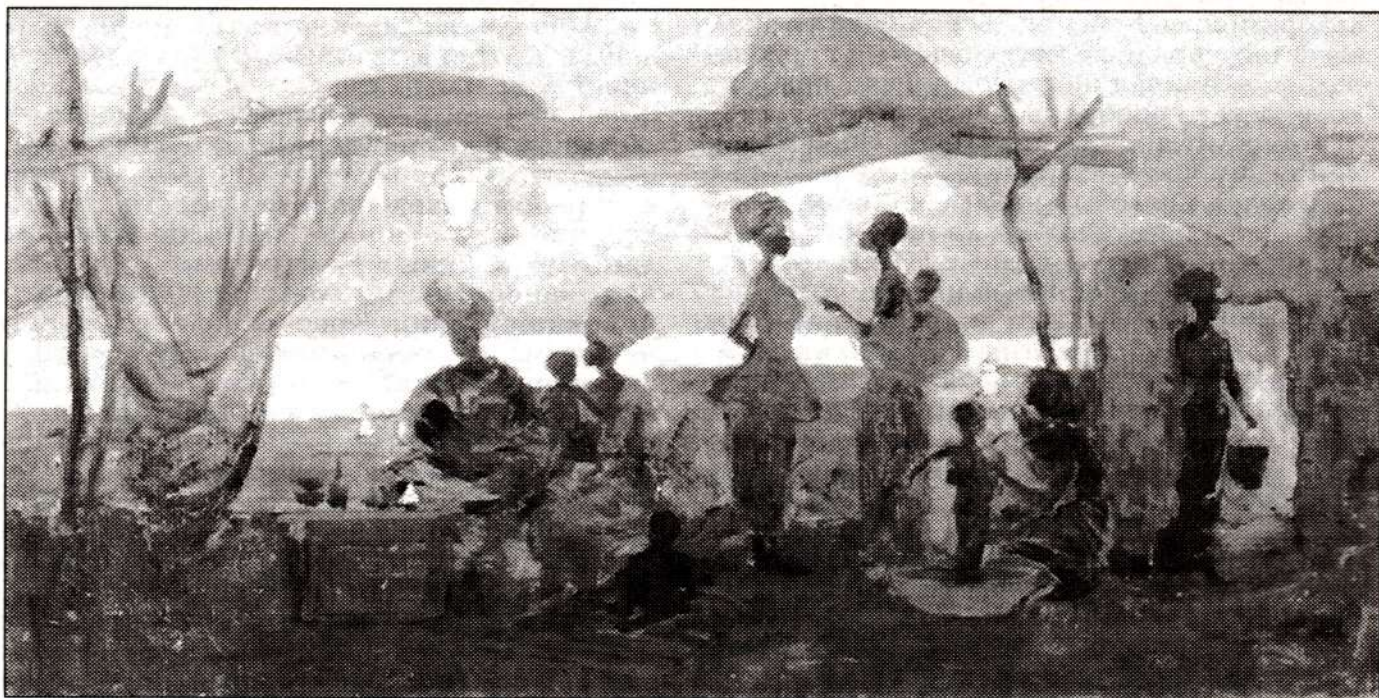
Ремеслом своим гордятся, зазывая в свои кельи, переманивают покупателей друг у друга, как заправские уличные торговцы.

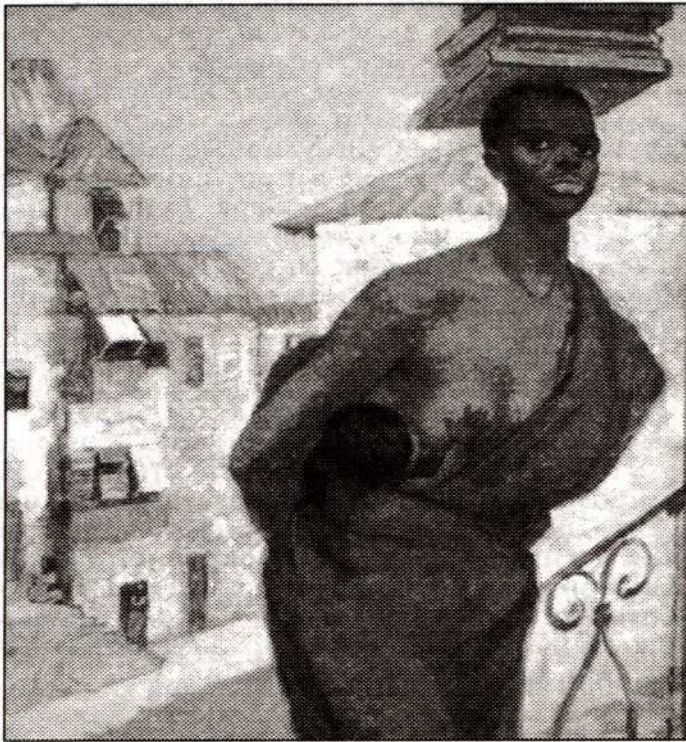
И сам пейзаж здесь противоречит духу суровой религиозной аскезы. Буйство красок. Горы на горизонте совсем синие. Цветные пятна деревушек внизу. И пышная зеленая аллея хорошо ухоженного парка вокруг монастыря.

Красно-черное, вышитое золотой ниткой платье хранится у меня с 1972 года, надеваю его по самым-самым торжественным дням. Лицо монаха, который сшил и вышил это платье, его мягкую, даже грустную улыбку помню отчетливо и, сразу зацепившись за воспоминание, прокручиваю в памяти, как в кино, поездку по прекрасной стране Нигерии: города, деревни, лица людей, с которыми познакомилась и подружилась. Вспоминаю художников, их замечательные работы, их гостеприимство.

Маленький городок Кадуна на севере Нигерии, где должен был проходить фестиваль, на который нас пригласили, очаровал сразу. Климат в Кадуне великолепный: днем умеренная жара, вполне переносимая, если ходить по теневой стороне, кроны огромных манговых деревьев образуют плотную тень. Вечера даже прохладные, надо что-то на себя накинуть. Городок небольшой, обойти его можно за час. Вероятно, в обычные дни он тихий и немногочисленный, но к фестивалю оживился. Весь украшен флагами, даже стволы деревьев выкрасили в цвета национального флага. Гербы всех штатов Нигерии украшали наш отель, и, конечно, повсюду — празднично разодетые гости,

Ночь в рыбацком поселке. Гвинея. 1973 г.

рии или из западной провинции, или южанин. Но кому отдать пальму первенства, кто наряднее и богаче одет, чей костюм шит изобретательней, так до конца фестиваля мы и не решили.

Город Зария — один из самых колоритных городов Нигерии.

По прекрасной дороге мы мчимся мимо маленьких деревушек, углубляемся в тропический лес, то и дело по обочинам возвышаются, как средневековые замки, красные термитники такой причудливой архитектуры, с башенками и остроконечными шпилями, как будто этими постройками занимались искусные архитекторы.

Тропический лес переходит в саванну, красная земля окрашивает красной пылью придорожную зелень. Подъезжаем к древнему феодальному городу Зария, въезжаем в него через высокую глинобитную, цвета красной земли арку.

И сразу оказываемся в узкой улице с глинобитными плоскочерными домами, глухими, без окон, но разукрашенными лепными орнаментами. Окна, видимо, выходят во внутренний дворик. Дома чередуются с такими же сложенными из глины мечетями, минареты которых утыканы деревянными палками, на которых сидят грифы, придавая улице необычный вид. Не улица, а декорация к сказке из «Тысячи и одной ночи».

Стоял полдень, очень знойный, безветренный. Зелени в городе нет. Красная земля, красные дома, красные минареты, мечети, облепленные черными птицами, и ярко-синее небо без единого облачка. Такое синее небо в Африке — редкость. Пересекаем небольшую площадь с водоемом в центре. Здесь наконец увидели людей, первых людей в безлюдном городе. Группа стариков в темно-синих одеяниях, в маленьких красных фесках. Старцы длинными палками что-то мешают в больших чанах, стоящих на площади. Недалеко от этих чанов, у водоема, другая группа полощет куски синей ткани и тут же раскладывает их для просушки. Это красильщики. Оказывается, мы проезжали по улице, где живут только люди этой профессии. Их занятие здесь в большом почете. Оно передается из поколения в поколение только по мужской линии. Женщин не допускают до крашения тканей. Но и молодых мужчин не видно, одни старики. Красят, полощут, сушат — все молча, очень неторопливо, торжественно, как будто позируют кому-то или играют на подмостках пантомиму. На нас не обращают никакого внимания, мы делаем наброски с живописной группы, которая размеренно, четко выполняет свое дело. Что-то призрачное, таинственное чувствуется во всем. Кажется, что зажмуришь глаза, потом откроешь — и они исчезнут. Нет, не исчезают. Ничего нового наш век технической революции не внес в этот процесс. Самодельные чаны, натуральные растительные краски, домотканые

приехавшие в городок из всех нигерийских провинций, из других стран.

Фестиваль широко разрекламировали по всей стране. Газеты ежедневно печатали статьи о фестивале и помещали фотографии участников и гостей. Казалось, что никаких других событий в стране за этот период не происходило, фестиваль затмил собою все. Много лет уже прошло, а я до сих пор не могу решить, что же оказалось самым интересным и ярким из того, что нам довелось увидеть в те дни — сам ли спектакль, который был разыгран на стадионе перед зрителями, или трибуны, заполненные празднично разодетой толпой, такой эмоциональной и восторженной, что превращалась как бы в участника великолепного яркого действия. Во главе каждой делегации на украшенной своим гербом и флагом трибуне восседал чиф. Фигура очень декоративная. Костюмы всех 16 чифов чрезвычайно нарядные, казалось, они соревновались в изысканности вышивок, яркости, количестве серебряных украшений.

Вот сидит под красным бархатным балдахинном глубокий старик, в руке у него толстая палка с золотым набалдашником. Длинные складки хитона блекло-голубого шелка расшиты золотыми нитями. На голове небольшая ярко-красная шапочка, тоже вся расшитая золотом, а на трибуне рядом под ярко-зеленым бархатным балдахинном — другой старец, весь в черном с серебром, обутый в серебряные длинноносые туфли. Даже женщины в своих пышных роскошных туалетах меркнут рядом с этими царственными старцами. Стадион гудит, колышутся флаги, страусовые перья, на головах женщин — тюрбаны всех цветов радуги. Но каждая провинция выдерживает свою гамму. Одежда всех окружающих чифа тоже в одном колорите, поэтому уже на второй день фестиваля мы легко определяли, кто рядом с нами — гость из северных штатов Ниге-

полотнища и торжественные старики в длинных хитонах. Все, как было испокон веков, а вот мы, стоящие рядом с современным автомобилем, на этой площадке смотримся нелепо. Не старцы нереальны, а мы. И каково же было наше удивление, когда буквально через несколько метров от этой площади мы попали в современный город, в Зарийский университет. Второй по размеру университет Нигерии. Современное здание, утопающее в зелени, — и это в выжженном солнцем городе без единого деревца. Вот, поди же, все сосуществует рядом. И мечети с грифами, и старцы-красильщики, и бетон, и стекло XX века.

Но вот на Зарию спускаются сумерки, в домах-крепостях зажигаются огоньки, и город становится окончательно похожим на театральную декорацию. Мы выезжаем из ворот, а за нами как будто задерживается занавес, спектакль окончен. Но таинственное очарование Зарии останется в памяти надолго. Даже запах дыма и пряностей Зарии не такой, как в других городах Африки. Думаю, как его передать словами, и понимаю, что он настолько ни на что не похож, что сравнения не найти. Пахнет Зарией, и все.

После университета Зарии нигерийцы нам показали университет в Ибодане: самый большой университет не только в Нигерии, но и во всей Западной Африке. Впрямь есть чем гордиться. Старейший в стране университет все время достраивается и совершенствуется. Он первый в стране не только по размеру и количеству студентов, но и по разнообразию факультетов, и по превосходному современному оборудованию лабораторий. Не берусь судить о том, как оснащены факультеты точных и естественных наук, но вот факультет изящных искусств просто ошеломил. Нашим гидом был доктор Адеджи — руководитель факультета театрального искусства. Он показал огромные аудитории, великолепные актовые залы, комфортабельное общежитие, столовые для студентов и преподавательского состава, музыкальные салоны и театральные залы. Стены всюду украшены мозаикой и фресками. При университете существует институт изучения африканской культуры с превосходным музеем, где хранится уникальная коллекция скульптур «йоруба».

На следующий день нашим гидом стал художник Демос Нвоко, который ведет в университете курс художников театра. Он не только автор фресок и мозаик в здании университета. Он еще и живописец, и скульптор, и дизайнер. Как почти все нигерийские художники, Демос Нвоко — мастер на все руки. Но главная его страсть — Дизайн-центр, который строится по его проекту неподалеку от Ибоданского университета. Это будет, как он нам сказал, студия новой африканской культуры, где откроют два отделения: архитектуры, изобразительного искусства, дизайна, а также музыки и театра. Девиз Дизайн-центра: «Используя достижения древнего и народного африкан-

ского искусства, создать высокое сегодняшнее искусство Африки».

Что и говорить, цель замечательная, тем более, что бывает грустно смотреть на некоторые произведения современных африканских художников, которые утратили национальные корни и слепо копируют иногда не лучшие европейские и американские образцы, боясь отстать от моды.

Из Лагоса мы уезжали в последние дни декабря, когда весь город справлял Рождество. В сочельник нас пригласили к художнику Эрхабору Эмокапайю в гости.

Небольшой двухэтажный особняк на окраине города иллюминирован в честь праздника. Большая комната, тоже освещенная цветными лампочками, в углу — искусственная елочка. На полках — книги по искусству, деревянная нигерийская скульптура, собранная хозяином в деревнях.

Рождественские праздники, любимые в европейских странах, пришли в Африку и чрезвычайно полюбили африканцам вне зависимости от религий, которые они исповедуют. Даже в мусульманских семьях отмечают рождественские дни. А семья Эрхабора Эмокапайя католическая. И к этому вечеру хозяйка готовилась уже много дней.

Стол, накрытый в столовой, уставлен всевозможными яствами национальной кухни. Чего-чего только на нем нет: розовые огромные креветки, целиком зажаренный барашек, непонятные африканские плоды под острым соусом, жареные бананы, огромная рыба, разукрашенная зеленью...

Пальмовое вино, такое невинное на первый взгляд, оказалось очень хмельным, это было заметно по возрастающему смеху и шуму в комнатах. Все заговорили как-то сразу, не слушая друг друга, а нас просто засыпали вопросами о Москве и о том, как проходят праздники. Мы даже не успевали отвечать. А через несколько дней нам предстояло встретить Новый год у себя, и не верилось, что только 17 часов лета — и мы окажемся в заснеженной Москве и будем рассказывать своим близким о чудесном рождественском вечере в Лагосе, о друзьях-художниках, которых мы успели полюбить и с которыми так не хотелось расставаться.

Все-таки есть в Африке что-то колдовское, привораживает она к себе.

Недаром такие замечательные писатели, как Эрнест Хемингуэй, Андре Жид, Грэм Грин, признавались в чувстве влюбленности в этот континент.

«Сейчас я хотел только одного: вернуться в Африку. Мы еще не уехали отсюда, но, просыпаясь по ночам, я лежал, прислушивался и уже тосковал по ней».

Так писал Хемингуэй в своей книге «Зелены холмы Африки».

...Черная африканская ночь. Небо в огромных звездах, нас провожают, нам немного грустно, но мы все равно смеемся и заверяем друг друга, что обязательно встретимся. Или в Москве, или в Африке.

Очень бы хотелось.